

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АБДУЛХАКОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 14743/11)

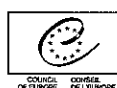
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

2 октября 2012 г.

вступило в силу 11 февраля 2013 г.

*Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном
пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной
правке.*



По делу «Абдулхаков против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:

Нина Вайич, *Председатель,*
Анатолий Ковлер,
Пер Лоренсен,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицилианос,
Эрик Мозе, *судьи,*
и Сорен Нильсен, *секретарь Секции,*

Проведя 11 сентября 2012 г. заседание за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 14743/11) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») гражданином Республики Узбекистан Муроджоном Адихамжоновичем Абдулхаковым (далее «заявитель») 6 марта 2011 г.

2. Интересы заявителя представляли Е. Рябинина и Д. Тренина, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель в частности утверждал, что в случае его экстрадиции в Узбекистан, он может быть подвергнут жестокому обращению, что его содержание под стражей с целью экстрадиции было незаконным и что не было проведено эффективного судебного пересмотра вопроса о его содержании под стражей.

4. 8 марта 2011 Председатель Первой Секции уведомил государство-ответчика о том, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего уведомления (правило 39 Регламента Суда).

5. 6 мая 2011 жалоба была коммуницирована властям. Суд также принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о её приемлемости (пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1979 г. В настоящее время он скрывается в Таджикистане.

A. Предшествующие факты и прибытие заявителя в Российскую Федерацию

7. Заявитель проживал в деревне Султанабод Андижанской области Ферганской долины Узбекистана. Работал плотником.

8. Представленные заявителем события, предшествующие его выезду из Узбекистана, могут быть изложены следующим образом.

9. 25 мая 2009 г. в соседнем городе Ханабаде было сожжено отделение милиции. Несколько свидетелей утверждали, что они видели машину, принадлежащую жителю Султанабода. Владелец машины был арестован. Милиция выяснила, что он был верующим мусульманином и регулярно ходил в мечеть.

10. Имам местной мечети был задержан, его пытали и заставили назвать имена тех, кто посещал мечеть. В частности, он назвал К., который преподавал Коран. К. также арестовали и пытали. Он назвал полиции имена своих учеников, включая заявителя.

11. Заявителя вызвали в местное отделение милиции, где его избili с целью получить его признания о причастности к экстремисткой деятельности. Однако родные заявителя дали взятку сотрудникам милиции, и его освободили. После этого он был оштрафован за участие в незаконных религиозных собраниях и совершение молитвы за пределами мечети.

12. По утверждению заявителя, все, кто был задержан после событий 25 мая 2009 г., были обвинены в участии в антиправительственных мероприятиях и были приговорены к тюремному заключению.

13. 24 августа 2009 г. заявитель выехал в Казахстан. Его семья, включая его родителей, одного из братьев, жену и трех несовершеннолетних детей, осталась в Узбекистане.

14. 8 сентября 2009 г. в результате обыска дома заявителя в Султанабодде была найдена книга религиозного содержания. После этого ему позвонил сотрудник местного отделения милиции, который потребовал, чтобы заявитель вернулся в Узбекистан.

15. 4 ноября 2009 г. заявитель уехал из Казахстана в Россию. Сначала он приехал в Казань, где жил один из его братьев, а затем 8 декабря 2009 г. выехал на поезде в Москву. Далее он намеревался

отправиться на Украину, где хотел ходатайствовать о предоставлении ему статуса беженца.

Б. Возбуждение уголовного дела в отношении заявителя в Узбекистане, задержание заявителя в России и запрос о его экстрадиции в Узбекистан

16. 20 сентября 2009 УВД Андижанской области предъявило заявителю обвинение в участии в экстремистской организации религиозного, сепаратистского или фундаменталистского характера (часть 1 статьи 244-2 Уголовного кодекса Республики Узбекистана).

17. 9 октября 2009 г. Андижанский городской суд вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. 13 октября 2009 г. он был объявлен в розыск.

18. 24 октября 2009 УВД Андижанского района обвинение в отношении заявителя было дополнено. Ему было предъявлено обвинение в участии в экстремистской организации религиозного, сепаратистского или фундаменталистского характера; контрабанде экстремистских изданий; изготовлении и распространении материалов, содержащих идеи религиозного экстремизма, сепаратизма и фундаментализма; использовании религии с целью нарушения общественной безопасности и порядка; распространении оскорбительных и порочащих намеков и совершении других действий против установленных норм поведения и национальной безопасности; а также в посягательстве на конституционный строй Республики Узбекистан, призывам к захвату власти и нарушению единства территории Республики Узбекистан (преступления, предусмотренной частью 1 статьи 244-2, частью 1 статьи 246, частью 3 статьи 244-1, частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Республики Узбекистан). В частности, он ему было предъявлено обвинение в участии в запрещенной организации «джамаат», которая по непроверенной информации занималась распространением «сепаратистских, фундаменталистских и экстремистских идей ваххабизма». Считалось, что члены этой организации регулярно проводили религиозные собрания и собирали деньги. Заявитель также обвинялся в контрабанде религиозных книг, авторами которых являлись Мухаммад Рафик Камолиддин и Абдували Мирзаев и которые предположительно «пробуждали антиконституционные и антиправительственные чувства» и содержали «порочащие намеки чуждые традиционному Исламу». Из вышеуказанного УВД сделало вывод, что, будучи участником запрещенной организации и незаконно распространяя запрещенные экстремистские книги, заявитель распространял идеи ваххабизма, призывал к созданию Исламского Халифата, следующего

принципам шариата, и «распространял клевету в отношении демократического режима, установленного в республике Узбекистан».

19. 8 декабря 2009 г. ГУ МВД по г. Москве уведомило Управление по борьбе с терроризмом Андижанской области о том, что согласно их сведениям заявитель должен был прибыть в Москву на следующий день. В ответ Управление по борьбе с терроризмом Андижанской области подтвердило, что заявитель разыскивается узбекскими властями по обвинению в участии в экстремистской организации религиозного, сепаратистского или фундаменталистского характера, и что в отношении него вынесено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Управление обратилось к ГУ МВД по г. Москве с просьбой заключить заявителя под стражу до получения запроса об экстрадиции, который будет выслан незамедлительно.

20. 9 декабря 2009 г. заявитель был задержан сразу по прибытию в Москву.

21. 30 декабря 2009 Генеральная прокуратура Российской Федерации получила запрос Генерального прокурора Республики Узбекистан об экстрадиции заявителя. Прокуратура Узбекистана заверила, что без согласия России заявитель не будет выдан другому государству и не будет преследоваться или подвергнут наказанию за какие-либо преступления, совершенные им до экстрадиции и не указанные в запросе на экстрадицию. Прокуратура также заверяла, что после отбытия наказания, заявитель сможет беспрепятственно покинуть Узбекистан.

22. 31 декабря 2009 г., 19 января и 3 февраля 2010 г. Министерство иностранных дел, Федеральная миграционная служба и Федеральная служба безопасности уведомили Генерального прокурора, что заявитель не является гражданином России, и то никаких препятствий для его экстрадиции в Узбекистан нет.

23. 5 мая 2010 г. заместитель Генерального прокурора Узбекистана представил дополнительные гарантии. Он заверил, что заявитель не будет подвергнут пыткам, жестокому обращению или другим формам бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, и что его право на защиту будет соблюдено. Он также заверил, что узбекские власти не намерены преследовать заявителя по политическим мотивам, национальной принадлежности или религиозным убеждениям.

В. Постановления о задержании заявителя

24. 10 декабря 2009 г. Московско-Рязанский транспортный прокурор вынес постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу. В своем постановлении он опирался на постановление о задержании, выданное

Андижанским городским судом, на статью 61 Минской конвенции 1993 г. и статью 108 Уголовно-процессуального кодекса (далее «УПК»).

25. 18 января 2010 г. Московско-Рязанский транспортный прокурор вынес повторное постановление о заключении заявителя под стражу. Он ссылаясь на запрос об экстрадиции, полученный от властей Узбекистана и пункт 2 статьи 466 УПК.

26. 8 февраля 2010 г. Мещанский районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 9 июня 2010 г., ссылаясь на статью 109 УПК. 7 апреля 2010 г. Московский городской суд рассмотрел дело в кассационном порядке и оставил постановление без изменений.

27. 9 июня 2010 г. Мещанский районный суд, ссылаясь на статью 109 УПК, продлил срок содержания заявителя под стражей до 9 сентября 2010 г. 28 июля 2010 г. Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу и оставил постановление без изменений. Суд, в частности, установил, что содержание заявителя под стражей соответствует положениям статьи 61 Минской конвенции 1993 г. и пункту 2 статьи 466 УПК.

28. 7 сентября 2010 г. Мещанский районный суд снова продлил срок содержания заявителя под стражей до 9 декабря 2010 г.

29. 9 сентября 2010 г. заявитель обжаловал это постановление. 1 декабря 2010 г. Московский городской суд отказал в удовлетворении жалобы и оставил постановление от 7 сентября 2010 г. без изменения.

30. 8 декабря 2010 г. Московский городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 9 июня 2011 г. на основании того, что процедура его выдачи еще не была завершена.

31. 16 декабря 2010 г. заявитель подал кассационную жалобу. 20 января 2011 г. Верховный суд Российской Федерации рассмотрел дело в кассационном порядке и оставил решение о содержании под стражей без изменений.

32. 9 июня 2011 г. Московско-Рязанский транспортный прокурор вынес постановление об освобождении из-под стражи заявителя при личном поручительстве его адвоката. Он установил, что согласно статье 109 Уголовно-процессуального кодекса (см. пункт 84 ниже) предельный срок содержания под стражей, предусмотренный законодательством Российской Федерации, истек, и что выдать на тот момент заявителя не представлялось возможным в связи с указанием Суда о применении обеспечительной меры.

Г. Ходатайство о признании беженцем и предоставлении временного убежища

33. 22 декабря 2009 г. заявитель обратился в Федеральную миграционную службу Российской Федерации (далее «ФМС») с ходатайством о признании его беженцем. Он в частности утверждал, что в Узбекистане он преследовался за свои религиозные убеждения. Он указал, что будет подвергнут пыткам для получения признаний в совершении преступлений, которых он не совершал.

34. 13 апреля 2010 г. УФМС по г. Москве отказало в удовлетворении его ходатайства.

35. 6 сентября 2010 г. заместитель начальника ФМС отклонил жалобу заявителя на данное решение. Он постановил, что с учетом того, что мусульмане составляют большую часть населения Узбекистана, преследование заявителя за исповедание ислама маловероятно. Хотя по сведениям, представленным Министерством иностранных дел, узбекские власти полностью контролируют религиозную жизнь населения, оправдывая это законной необходимостью пресечения деятельности радикальных исламских организаций, таких как Джамаат-и-Ислами. В компетенцию ФМС не входила проверка обоснованности обвинений, предъявленных заявителю в Узбекистане. Таким образом, у ФМС сложилось впечатление, что причиной ходатайства о признании беженцем было желание заявителя избежать уголовной ответственности. Что касается утверждений заявителя о возможном жестоком обращении в Узбекистане, то они не могли служить основанием для признания беженцем. Но существование такой опасности при условии его доказанности, могло бы служить основанием для предоставления временного убежища.

36. Заявитель обжаловал отказ в Басманный районный суд г. Москвы. Он жаловался на то, что ФМС посчитала его виновным во вменяемых ему преступлениях и не приняла во внимание его довод о том, что он преследуется за религиозные убеждения. Он заявил, что его подвергли пыткам и оштрафовали за то, что он молился за пределами мечети, и что в отношении него было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения у него дома религиозной книги, которая никогда не признавалась экстремистской и не была запрещена властями. Он также ссылаясь на судебную практику Суда, в том числе, на дела «Юлдашев против России» (*Yuldashev v. Russia*) (№ 1248/09, от 8 июля 2010 г.), «Абдулажон Исаков против России» (*Abdulazhon Isakov v. Russia*) (№ 14049/08, от 8 июля 2010 г.) и «Каримов против России» (*Karimov v. Russia*) (№ 54219/08, от 29 июля 2010 г.), в которых при похожих обстоятельствах Суд установил, что

принудительное возвращение заявителей в Узбекистан привело бы к нарушению статьи 3 Конвенции.

37. 19 ноября 2010 г. Басманный районный суд отказал заявителю в удовлетворении его жалобы на решение от 6 сентября 2010 г. Он установил, что приведенные ФМС причины отказа для признания беженцем являются убедительными, и что заявителю не удалось обосновать свои опасения стать жертвой преследования за свои религиозные убеждения.

38. Заявитель обжаловал решение. Он повторно изложил свои доводы, приведенные в ФМС и Басманном районном суде. Он также ссылаясь на доклады Amnesty International, в которых описаны преследования и жестокое обращение с членами религиозных групп исламского меньшинства.

39. 24 декабря 2010 г. Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу заявителя и оставил решение от 19 ноября 2010 г. без изменений, признав его законным, аргументированным и обоснованным.

40. 16 июня 2011 г. заявитель подал в ФМС ходатайство о предоставлении ему временного убежища в связи с опасениями жестокого обращения и преследования за религиозные убеждения.

41. 13 июля 2011 г. УФМС по г. Москве отказало в удовлетворении ходатайства. Управление установило, что заявитель не может преследоваться за свои религиозные убеждения, так как принадлежит к суннитской ветви ислама, которую исповедует 80% населения Узбекистана. Обвинения, выдвинутые против него, являются явно обоснованными. Имеет значение и тот факт, что заявитель никогда не обращался за получением разрешения на проживание или на работу на территории Российской Федерации. Таким образом, основания для предоставления временного убежища отсутствуют.

42. В неустановленную дату 2011 г. заместитель начальника ФМС отменил решение от 13 июля 2011 г. и направил ходатайство о предоставлении временного убежища на новое рассмотрение в УФМС по г. Москве.

43. По всей видимости, вопрос о предоставлении временного убежища все еще находится на рассмотрении.

44. Письмом от 18 ноября 2011 г. Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее «УВКБ ООН») сообщило защитнику заявителя, что признало его нуждающимся в признании беженцем. УВКБ установило, что у заявителя были обоснованные опасения быть подвергнутым в Узбекистане преследованию и жестокому обращению по причине его религиозной принадлежности и приписанных ему политических взглядов.

Д. Решение об экстрадиции заявителя и последующие процедуры обжалования

45. 14 мая 2010 г. заместитель Генерального прокурора вынес решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан. Прокурор перечислил предъявленные заявителю обвинения и признал его действия наказуемыми по российскому уголовному законодательству. Решение об экстрадиции было принято в связи с посягательством на конституционный строй Узбекистана и распространением материалов, содержащих угрозу национальной безопасности и общественного порядка. Прокурор установил, что вышеперечисленные преступления соответствуют таким преступлениям, как попытка насильственного свержения власти и конституционного строя и открытое подстрекательство к экстремистской деятельности, которые предусмотрены российским уголовным законодательством. Тем не менее, прокурор отказался экстрадировать заявителя по причине распространения им экстремистских материалов, поскольку это не является преступлением по российскому уголовному законодательству, и по причине его принадлежности к «Джамаату», поскольку на территории России эта организация не была признана экстремистской или террористической.

46. Заявитель обжаловал решение об экстрадиции в Московский городской суд. Он заявил, что выдвинутые против него обвинения были необоснованными, и он в действительности подвергся преследованию со стороны узбекских властей. В случае его экстрадиции в Узбекистан, он может быть подвергнут пыткам и другим видам жестокого обращения. Из докладов агентств ООН и признанных международных неправительственных организаций стало известно о том, что пытки широко распространены в Узбекистане, и что подсудимые дают признательные показания под принуждением. Он также ссылаясь на судебную практику Суда относительно экстрадиции в Узбекистан, в частности, дела «Исмоилов и другие против России» (*Ismoilov and Others v. Russia*) (№2947/06, от 24 апреля 2008 г.) и «Муминов против России» (*Muminov v. Russia*) (№ 42502/06 от 11 декабря 2008 г.).

47. Во время судебного заседания Р., эксперт по делам беженцев из Центральной Азии, дала показания о том, что обвинения по статье 159 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (посягательства на конституционный строй Республики Узбекистан, захват власти и нарушение единства территории Республики Узбекистан) в большинстве случаев носит политический характер. Обвинения по статье 159 часто выдвигаются против лиц, критикующих власть или соблюдающих религиозные обряды, не одобряемые государством. Такие лица с большей долей вероятности могут быть подвергнуты

жестокому обращению. По ее мнению, заявитель преследовался за свои религиозные убеждения и совершение обрядов. Она в частности пришла к такому выводу на основании того факта, что заявитель преследовался за хранение религиозной книги, написанной Абдували Мирзаевым, уважаемым имамом, чьи последователи часто становились мишенью узбекских властей. Важно отметить, что написанные им книги не являются запрещенными ни в Узбекистане, ни в любой другой стране. Она также ссылаясь на судебную практику Суда, которая показывает, что дипломатические гарантии не являются достаточными для обеспечения адекватной защиты от жестокого обращения.

48. Свидетель заявителя, Н., бывший следователь из Узбекистана, дал показания о том, что жестокое обращение широко распространено в Узбекистане. Подозреваемых пытали, чтобы получить их признательные показания, которые впоследствии против них же и использовались во время судебных разбирательств. Он также подтвердил заявление Р. о том, что обвинения по статье 159 Уголовного кодекса Республики Узбекистан часто выдвигаются против верующих, посещающих мечеть, молящихся и носящих бороду. Всех обвиняемые по статье 159 лица подвергались пыткам.

49. Заявитель просил суд принять во внимание доклады о ситуации в Узбекистане, представленные агентствами ООН и правозащитными неправительственными организациями, а также, Постановления Суда. В удовлетворении этого ходатайства было отказано.

50. Во время судебного заседания заявитель также оспорил вывод прокурора о том, что приписываемые ему действия являются наказуемыми по уголовному законодательству Российской Федерации. Он утверждал, что по российскому законодательству только попытка насильственного свержения власти и конституционного порядка подлежат уголовному преследованию, в то время как в применении насилия он никогда не обвинялся. Кроме того, хранение религиозных книг тоже не может быть характеризовано как открытое подстрекательство к экстремистской деятельности.

51. 29 декабря 2010 г. Московский городской суд оставил решение об экстрадиции без изменений. Он постановил, что узбекские и российские власти соблюдали порядок экстрадиции, установленный применимым международным и национальным законодательством. Заявителя обвинялся в преступлениях, за совершение которых предусмотрена ответственность по узбекскому и российскому уголовному законодательству, и нет никаких доказательств того, что его преследовали за политические взгляды и религиозные убеждения. Городской суд признал неприменимыми международные доклады, экспертные заключения и судебную практику, на которые ссылаясь заявитель, так как они описывают ситуацию в Узбекистане в целом, а

не конкретные обстоятельства заявителя. Свидетельские показания г-на Н. также были признаны неприменимыми, поскольку касаются ситуации в период с 1999 г. по 2002 год. Узбекские власти представили гарантии того, что заявитель не будет подвержен пыткам. Не было никаких причин сомневаться в надежности гарантий, данных компетентным государственным органом – Генеральной прокуратурой Республики Узбекистан. Таким образом, Городской суд счел эти гарантии достаточными для исключения вероятности жестокого обращения. Он также установил, что рассмотрение вопроса о виновности или невиновности заявителя выходит за пределы компетенции органов власти, занимающихся экстрадицией.

52. Заявитель обжаловал это решение. Он повторно изложил свои доводы, приведенные в Московском городском суде, и сослался на статью 3 Конвенции. Он также заявил, что дипломатические гарантии о неприменении жестокого обращения являются ненадежными вследствие отсутствия механизма контроля за соблюдением этих гарантий или ответственности за нарушение этих гарантий.

53. 14 марта 2011 Верховный Суд Российской Федерации отказал в удовлетворении его жалобы и оставил решение от 29 декабря 2010 г. без изменений, признав его законным и справедливым. Он согласился с выводами городского суда о том, что международные доклады о ситуации в Узбекистане в данном деле неприменимы, так как они не основаны на «подлинных доказательствах». Суд также постановил, что дипломатические гарантии, данные узбекскими властями, являются достаточными для обеспечения адекватной защиты против возможного жестокого обращения с заявителем, поскольку в случае нарушения гарантий в отношении заявителя Российская Федерация откажется выдавать других лиц. Более того, заявитель не представил никаких доказательств того, что эти гарантии были нарушены в предшествующих случаях.

Е. Похищение заявителя и его вывоз в Таджикистан

54. По словам заявителя, днем 23 августа 2011 г. встретился со своими знакомыми, К. и А., в центре Москвы. Их остановил сотрудник полиции для проверки документов.

55. Сразу после этого пять или шесть человек в штатском скрутили им руки и затащили их в фургон. Похитители надели им на головы черные полиэтиленовые пакеты и повалили их на пол фургона.

56. Около 4 вечера они прибыли в подмосковный лес. Их начали избивать и угрожать им оружием. Зажигалкой им жгли руки.

57. После захода солнца на них надели наручники, затащили в фургон и привезли в аэропорт около 1 часа ночи 24 августа 2011 г. Они выехали прямо на взлетное поле и остановили машину около самолета.

Затем два конвоира провели их на борт самолета. После этого в самолет сели пассажиры. Самолет вылетел в 1.40 ночи и приземлился через три с половиной часа в Худжанде в Таджикистане.

58. В аэропорте Худжанда заявитель, К. и А. были переданы таджикской милиции. Им снова на головы надели полиэтиленовые пакеты, разделили и посадили в разные машины.

59. Заявителя привезли в отделение милиции Худжанда, где он находился на протяжении трех дней. С ним жестоко обращались и требовали, чтобы он дал показания против К. Сотрудники милиции угрожали связать его и бросить в реку, утверждая, что никто не знает о том, что он находится в Таджикистане, так как его не регистрировали на рейс.

60. 26 августа 2011 г. заявителя доставили в Душанбе. Его привезли в отделение милиции и допросили. На следующий день его поместили в изолятор временного содержания, где он находился до 2 сентября 2011 г.

61. 30 августа 2011 г. Шохмансурский районный суд вынес постановление о заключении заявителя под стражу до его экстрадиции в Узбекистан.

62. 2 сентября 2011 г. заявителя перевели в следственный изолятор № 1 в Душанбе.

63. 22 ноября 2011 г. заявителю сообщили, что суд вынес постановление о его освобождении. На следующий день он был освобожден.

64. В свидетельстве, выданном Министерством юстиции Таджикистана, было указано, что с 27 августа по 22 ноября 2011 г. заявитель «отбывал срок тюремного заключения».

65. С тех пор заявитель скрывается. Намереваясь вернуться в Россию, он попросил УВКБ ООН помочь ему восстановить его паспорт, который был удержан ФМС в Москве.

Ж. Официальное расследование похищения заявителя

66. В неустановленную дату следователь Замоскворецкого межрайонного следственного отдела города Москвы начал расследование обстоятельств похищения заявителя.

67. 20 января 2012 г. следователь отказал в возбуждении уголовного дела по факту данного происшествия.

68. 26 марта 2012 г. действующий глава Замоскворецкого межрайонного следственного отдела отменил решение от 20 января 2012 г. и направил дело на дополнительное расследование. Он установил, что необходимо было допросить защитника заявителя и собрать информацию о пересечении заявителем российской границы.

69. Расследование было возобновлено. В неустановленную дату между 26 марта и 5 апреля 2012 следователь поручил сотрудниками местного отделения полиции найти свидетелей похищения заявителя. В это же время он направил запросы о заявителе в Федеральную службу безопасности, местное Управление на транспорте Министерства внутренних дел, ФМС, пункт пропуска через государственную границу аэропорта Домодедово и другие государственные учреждения.

70. По всей видимости, расследование до сих пор продолжается.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Процедура экстрадиции

1. Уголовно-процессуальный кодекс

71. Глава 54 Уголовно-процессуального кодекса (далее «УПК») 2002 г. определяет порядок осуществления экстрадиции.

72. Решение Генерального прокурора об экстрадиции может быть обжаловано в суд (часть 1 статьи 463). В этом случае выдача не производится до вступления решения в законную силу (часть 6 статьи 462).

73. Проверка законности и обоснованности решения о выдаче лица производится в течение одного месяца со дня получения жалобы. Решение принимается судом, состоящим из трех судей, в открытом судебном заседании с участием прокурора, лица, в отношении которого принято решение о выдаче, и его защитника, если он участвует в уголовном деле (часть 4 статьи 463)

74. В ходе судебного рассмотрения суд не обсуждает вопросы виновности лица, принесшего жалобу, ограничиваясь проверкой соответствия решения о выдаче данного лица законодательству и международным договорам Российской Федерации (часть 6 статьи 463).

75. В части 1 статьи 464 перечислены условия, при которых выдача лица не допускается. Так, должно быть отказано в выдаче следующих лиц: гражданина Российской Федерации (подпункт «1» пункта 1 статьи 464) или лица, которому предоставлено убежище в Российской Федерации (подпункт «2» пункта 1 статьи 464); лица, в отношении которого на территории Российской Федерации за то же самое деяние вынесен вступивший в законную силу приговор или прекращено производство по уголовному делу (подпункт «3» пункта 1 статьи 464); лица, в отношении которого в соответствии с законодательством

Российской Федерации уголовное дело не может быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения сроков давности или по иному законному основанию (подпункт «4» пункта 1 статьи 464); лица, в отношении которого имеется вступившее в законную силу решение суда Российской Федерации о наличии препятствий для выдачи данного лица в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации (подпункт «5» пункта 1 статьи 464). И, наконец, в выдаче должно быть отказано, если деяние, послужившее основанием для запроса иностранного государства о выдаче, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации не является преступлением (подпункт «б» пункта 1 статьи 464).

76. В случае, когда иностранный гражданин или лицо без гражданства, в отношении которого поступил запрос о выдаче, подвергается уголовному преследованию или отбывает наказание за другое преступление на территории Российской Федерации, его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, освобождения от наказания по любому законному основанию либо до исполнения приговора (часть 1 статьи 465).

2. Решения Верховного суда Российской Федерации

77. В постановлении № 11 от 14 июня 2012 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации отметил со ссылкой на статью 3 Конвенции, что лицо не подлежит выдаче в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в запрашивающем государстве оно может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. В выдаче может быть также отказано, если исключительные обстоятельства указывают на то, свидетельствуют о том, что выдача повлечет опасность для его жизни и здоровья, в том числе с учетом его возраста и физического состояния. Российские власти, занимающиеся экстрадицией, должны оценить, есть ли основания полагаться, что к лицу могут быть применены наказание в виде смертной казни, жестокое обращение или преследование по признаку расовой принадлежности, религиозных убеждений, национальности, этнического или социального происхождения, политических убеждений. Судам необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела лица, которое должно быть экстрадировано. Они должны принимать во внимание свидетельские показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетельские показания любых свидетелей, любые гарантии запрашивающего государства, информацию о стране, представленную Министерством иностранных

дел, компетентными учреждениями ООН и Европейским Комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

Б. Содержание под стражей с целью экстрадиции и пересмотр решений о заключении под стражу

1. Конституция Российской Федерации

78. Конституция гарантирует право на свободу (статья 22):

- «1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.
2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.»

2. Минская конвенция 1993 г.

79. Конвенция стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, уголовным и семейным делам (далее «Минская конвенция»), сторонами которой являются и Россия, и Узбекистан, предусматривает, что при исполнении запроса об оказании правовой помощи запрашиваемая сторона применяет законодательство своей страны (пункт 1 статьи 8).

80. К запросу о выдаче в целях привлечения к уголовной ответственности должна быть приложена заверенная копия постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (пункт 2 статьи 58). По получении запроса запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к заключению под стражу лица, выдача которого запрошена, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (статья 60).

81. Лицо, выдача которого запрашивается, по ходатайству может быть заключено под стражу и до получения запроса о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о заключении под стражу или на приговор, вступивший в законную силу, и указание на то, что запрос о выдаче будет представлен дополнительно. Ходатайство о заключении под стражу до получения запроса о выдаче может быть передано по почте, телеграфу, телексу или телефаксу (пункт 1 статьи 61). Лицо может быть задержано и без ходатайства, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу (пункт 2 статьи 61).

82. Лицо, взятое под стражу согласно статье 61, должно быть освобождено, если запрос о его выдаче не поступит в течение одного месяца со дня заключения под стражу (пункт 1 статьи 62).

3. Уголовно-процессуальный кодекс

83. Термин «суд» определяется УПК как «любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные настоящим Кодексом» (часть 48 статьи 5). Термин «судья» определяется УПК как «должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» (часть 45 статьи 5).

84. Глава 13 УПК («Меры пресечения») регулирует применение мер пресечения в процессе уголовного производства. Эти меры включают в себя заключение под стражу. Заключение под стражу назначается судебным решением по ходатайству следователя или прокурора в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (части 1 и 3 статьи 108). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть 1 статьи 109). Судья может продлить этот срок до 6 месяцев (часть 2 статьи 109). Срок содержания под стражей может быть продлен до 12 месяцев, а в исключительных случаях до 18 месяцев, лишь в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109). Дальнейшее продление срока не допускается. Обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению (часть 4 статьи 109). Мера пресечения отменяется, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения. Отмена или изменение меры пресечения производится по постановлению дознавателя, следователя или судьи либо по определению суда (статья 110).

85. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает возможность обжалования в судебном порядке постановлений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (часть 1 статьи 125). Рассмотрение этих жалоб находится в компетенции районного суда по месту производства предварительного расследования (там же).

86. Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру выдачи. При получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом (часть 1 статьи 466). Если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации (часть 2 статьи 466).

4. Применимая судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного суда Российской Федерации

87. 4 апреля 2006 г. Конституционный суд Российской Федерации рассмотрел жалобу Н., который утверждал, что отсутствие ограничения по времени срока содержания под стражей лица, ожидающего выдачу, не соответствует конституционной гарантии свободы от произвольного ареста. Определением № 101-О от того же числа Конституционный Суд Российской Федерации признал жалобу неприемлемой. По мнению суда, отсутствие какого-либо конкретного регулирования вопроса содержания под стражей в части 1 статьи 466 не привело к наличию пробела в законодательстве, противоречащему Конституции. Пункт 1 статьи 8 Минской конвенции гласит, что при исполнении запроса об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны, что в случае с Российской Федерацией является процедурой, описанной в УПК. Эта процедура включает в себя, в частности, часть 1 статьи 466 Кодекса и положения Главы 13 («Меры пресечения»), которые в силу своего общего характера и расположения в первом разделе Кодекса («Основные положения») применяются ко всем стадиям и формам уголовного производства, включая процедуру рассмотрения запросов об экстрадиции. Таким образом, часть 1 статьи 466 УПК не предполагает возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного УПК порядка и сверх установленных им сроков. Суд также отказался анализировать часть 2 статьи 466, поскольку она не была применена в деле Н.

88. 1 марта 2007 г. Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 333-О-П постановил, что статьи 61 и 62 Минской конвенции, регулирующие содержание лица под стражей до получения запроса об экстрадиции, не указывают, какие именно органы или должностные лица должны издавать такого рода постановления,

определять порядок и устанавливаться сроки. В соответствии со статьей 8 Минской конвенции применяемый порядок и сроки должны быть установлены национальными процессуальными нормами.

89. Конституционный Суд Российской Федерации также напомнил, что он сформировал судебную практику таким образом, чтобы закрепленное Конституцией право на свободу и личную неприкосновенность, осуществлялось не только гражданами Российской Федерации, но и иностранными гражданами и лицами без гражданства. Иностранец или лицо без гражданства могут находиться под стражей в России не более сорока восьми часов без вынесения судебного решения. Это конституционное требование, выступающее в качестве гарантии против чрезмерно длительного содержания под стражей более сорока восьми часов, а также против произвольного заключения под стражу, вследствие этого, требуется, чтобы суд рассмотрел, было ли задержание законным и справедливым. Конституционный Суд постановил, что часть 1 статьи 466 УПК в совокупности с Минской конвенцией, не может быть истолкована, как допускающая задержание лица на срок более сорока восьми часов на основании ходатайства о выдаче этого лица без решения российского суда. Мера, связанная с лишением свободы может применяться только в соответствии с процедурой и в сроки, предусмотренные главой 13 УПК.

90. 19 марта 2009 г. Конституционный Суд определением № 383-О-О отклонил как неприемлемую жалобу о конституционности части 1 статьи 466 УПК, установив, что данное положение «не устанавливает сроки содержания под стражей и не определяет основания и порядок избрания меры пресечения, она лишь закрепляет правомочие прокурора на исполнение уже состоявшегося решения компетентного судебного органа иностранного государства о заключении под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления. Таким образом, оспариваемая [заявителем] норма не может рассматриваться как нарушающая его конституционные права...»

91. 10 февраля 2009 г. Пленум Верховного суда Российской Федерации вынес постановление № 1, в котором говорилось, что решение прокурора о содержании лица под домашним арестом или заключении под стражу в связи с выдачей может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК.

92. 29 октября 2009 г. Пленум Верховного Суда вынес постановление № 22, в котором говорилось, что в соответствии с частью 1 статьи 466 УПК только суд может избрать меру пресечения в виде заключения под стражу лица, в отношении которого ведется проверка о его выдаче в случае, если власти страны, требующей выдачи лица, не представили решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В таком случае судебное

решение вопроса о заключении под стражу должно быть принято в соответствии со статьей 108 УПК и после ходатайства прокурора о заключении лица под стражу. При вынесении решения о заключении лица под стражу, суду должен рассмотреть возможность существования фактических и юридических оснований для применения меры пресечения. Если запрос об экстрадиции сопровождался постановлением иностранного суда о заключении под стражу, то прокурор имеет право заключить лицо под стражу без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации (часть 2 статьи 466 УПК) на срок, не превышающий двух месяцев, а решение прокурора может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК. При продлении срока содержания лица под стражей в виду последующей его экстрадиции, суд должен применять статью 109 УПК.

93. В своих недавних постановлениях № 11 от № 14, вынесенных в июне 2012 г., Пленум Верховного суда установил, что лицо, выдача которого требуется, может быть задержано до получения запроса о его экстрадиции только в случаях, предусмотренных международными договорами, в которых Россия является одной из сторон, как например, статьей 61 Минской конвенции. Такое заключение должно быть избрано в качестве меры пресечения и продлено судом в соответствии с процедурой и сроками, установленными статьями 108 и 109 УПК. В постановлении должен быть указан срок содержания под стражей и дата его окончания. Если запрос об экстрадиции не поступает в течение месяца или сорока дней, а запрашивающая страна является участницей Минской конвенции, то лицо, выдача которого требуется, должно быть освобождено.

С. Статус беженцев

1. Женевская конвенция 1951 г. о статусе беженцев

94. Согласно Статье 33 Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев, ратифицированной Россией 2 февраля 1993 г.:

“1. Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать («refouler») беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны.”

2. Федеральный Закон «О беженцах»

95. В Федеральном Законе «О беженцах» (№ 4258-I от 19 февраля 1993 г.) принято определение термина «беженец», изложенное в Статье 1 Женевской конвенции 1951 г. в редакции Протокола 1967 г. о статусе беженцев. Согласно Закону, беженец – это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны, или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (подпункт «1» пункта 1 статьи 1).

96. Положения данного Федерального закона не распространяются на лицо, в отношении которого имеются серьезные основания предполагать, что оно совершило преступление против мира, военное преступление или преступление против человечества, или же тяжкое преступление неполитического характера вне пределов территории Российской Федерации и до того, как оно было допущено на территорию Российской Федерации в качестве лица, ходатайствующего о признании беженцем (подпункты «1» и «2» пункта 1 статьи 2).

97. Лицо, ходатайствующее о признании беженцем или признанное беженцем, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности при сохранении в данном государстве угрозы для жизни или свободы данного лица по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (пункт 1 статьи 10).

98. Если лицо соответствует критериям, изложенным в подпункте 1 пункта 1 статьи 1, или же не соответствует им, но не может быть выслано или депортировано из России из гуманных побуждений, такому лицу может быть предоставлено временное убежище (пункт 2 статьи 12). Лицо, получившее временное убежище, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности или страны своего прежнего места проживания (пункт 4 статьи 12).

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Доклады агентств ООН и неправительственных организаций о ситуации в Узбекистане

1. Ситуация с жестоким обращением и преследованием по религиозным убеждениям в Узбекистане

(а) Агентства ООН

99. В докладе от 3 февраля 2003 г., опубликованном согласно резолюции 2002/38 (E/CN.4/2003/68/Add.2) Комиссии ООН по правам человека, Специальный докладчик по проблеме пыток Тео ван Бовен описывает ситуацию в Узбекистане следующим образом:

«66. Сочетание несоблюдения принципа презумпции невиновности, хотя он гарантирован Конституцией (статья 25) и УПК (статья 23), дискреционных полномочий следователей и прокуроров в отношении свиданий адвокатов и родственников с лицами, находящимися под стражей, а также отсутствие независимости судебной системы и якобы имеющей место безудержной коррупции в судебной системе и правоохранительных органах, похоже, способствуют использованию незаконных методов расследования. Чрезмерные полномочия в общем уголовном судопроизводстве прокуроров, которые, как предполагается, одновременно ведут предварительное уголовное расследование и осуществляют надзор за ним, предъявляют обвинение и следят за соблюдением существующих правовых гарантий против пыток в ходе уголовного расследования и в местах содержания под стражей, ставят расследование жалоб в слишком большую зависимость от их доброй воли...

...

68. Исходя из многочисленных свидетельских показаний (в том числе в связи с рядом смертей лиц, находившихся под стражей), которые Специальный докладчик получил в ходе своей миссии, в том числе и от тех, чей явный страх вынудил их просить не раскрывать их имя и, следовательно, кто не мог извлечь никакой личной выгоды из своих утверждений, он считает, что пытки или аналогичные виды жестокого обращения носят систематический характер, как это было определено Комитетом против пыток. Хотя с абсолютной определенностью можно подтвердить лишь очень небольшое число случаев применения пыток, собранные многочисленные свидетельские показания, лишь ограниченная часть которых представлена в дополнении II к настоящему докладу, дают настолько четкое описание методов пыток, а также мест и обстоятельств, в которых применяются пытки, что невозможно отрицать широкое распространение и устойчивый характер практики применения пыток в ходе следствия. Специальный докладчик также отмечает, что пытки и другие формы жестокого обращения, похоже, применяются без разбора в отношении лиц, обвиняемых в деятельности, которая квалифицируется как тяжкие преступления, например действия против государственных интересов, а также в отношении мелких преступников и других лиц».

100. В дальнейшем, Специальный докладчик ООН по проблеме пыток заявил на 2-й Сессии Совета ООН по правам человека, состоявшейся 20 сентября 2006 г.:

«Практика пыток в Узбекистане носит системный характер, как отмечено в докладе моего предшественника Тео ван Бовена, подготовленного им по итогам посещения страны в 2002 г. Об этом свидетельствует тот факт, что я продолжаю получать серьезные заявления о пытках, применяемых сотрудниками узбекских правоохранительных органов... Имея такие серьезные, значительные и достоверные доказательства пыток, систематически применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я в очередной раз обращаюсь к властям Государств с просьбой воздержаться от отправки людей в Узбекистан. Запрет пыток является абсолютным, и Государства, отправляя людей в страны, где те могут быть подвергнуты пыткам, рискуют нарушить этот запрет, являющийся их обязательством согласно международным законам. Повторюсь – дипломатические заверения не имеют обязательной юридической силы, противоречат существующим обязательствам Государств запретить применение пыток, являются ненадежными и неэффективными в плане защиты возвращенных людей, и поэтому не должны применяться Государствами».

101. На 3-й сессии Совета ООН по правам человека, состоявшейся 18 сентября 2008 г., Специальный докладчик ООН по вопросу пыток также выступил по вопросу о ситуации с пытками в Узбекистане:

«741. Специальный докладчик ... подчеркнул, что продолжает получать серьезные заявления о пытках, применяемых должностными лицами узбекских правоохранительных органов...

...

744. В свете вышеизложенного, почти нет никаких доказательств, в том числе представленных властями, которые бы рассеяли сомнения Специального докладчика или иным образом убедили его в том, что ситуация с применением пыток значительно улучшилась со времени поездки Специального докладчика в 2002 г....»

102. В своем докладе 2010 г. (CCPR/C/UZB/CO/3) Комиссия ООН по правам человека заявила следующее:

«11. Комиссия обеспокоена сообщениями о продолжающемся применении пыток и жестокого обращения, ограниченном количестве случаев осуждения лиц, несущих за это ответственность, слишком мягких санкциях, применяемых к ним (в том числе простыми дисциплинарными мерами), свидетельствах очевидного помилования ответственных лиц и, в целом, недостаточной тщательности расследований жалоб на пытки и/или жестокое обращение. Комиссия также обеспокоена сообщениями о применении судами практики получения показаний под принуждением, несмотря на вынесенное в 2004 г. решение Верховного Суда о недопустимости получения показаний незаконным путем...

...

19. Комиссия обеспокоена ограничениями и запретами, налагаемыми на свободу религии и убеждений, распространяющимися в том числе на

представителей незарегистрированных религиозных организаций, а также постоянными сообщениями об осуждении и тюремном заключении таких лиц. Комиссия также озадачена привлечением к ответственности по статье 261-2 Уголовного кодекса «обращения верующих из одной религии в другую (прозелитизма) и других видов миссионерской деятельности» (ССПР/C/UZB/3, пункт 707) (статья 18) ...»

(b) Неправительственные организации

103. В докладе под названием «Создавая врагов государства: религиозное преследование в Узбекистане» от 29 марта 2004 г. правозащитная организация «Хьюман Райтс Вотч» отметила:

«В течение последнего десятилетия власти Узбекистана преследовали независимых мусульман с все большим рвением. Данная кампания по религиозному преследованию привела к арестам, пыткам, публичному унижению и тюремному заключению в бесчеловечных условиях около 7 000 человек.

Кампания нацелена на неагрессивных верующих, которые проповедуют или изучают ислам вне официальных учреждений и отклоняясь от его официальных принципов. В числе таких верующих – независимые имамы и их последователи, так называемые ваххабиты (термин, ошибочно используемый властями в целях обвинения людей в «фундаментализме»). Большая часть людей, против которых направлена кампания, принадлежали к неагрессивной организации «Хизб ут-Тахрир» («Исламская партия освобождения»), чье учение, поддерживающее идею создания исламского государства, власти находят подстрекательским...

Международное законодательство о правах человека гарантирует индивидууму право иметь и выражать религиозные взгляды и убеждения. Политика узбекских властей и их практические действия прямо противоречат данным принципам, поскольку они наказывают некоторых верующих за содержание их убеждений, за высказывание убеждений, за обмен информацией с другими людьми, или же за участие в неагрессивных объединениях. Преследуя независимых мусульман, узбекские власти прибегают к пыткам, жестокому обращению, публичным унижениям и отказам в рассмотрении дел должным образом в суде, что также противоречит обязательствам страны по международным договорам.

В настоящем докладе зафиксированы данные нарушения. В нем также объясняется, как государство криминализировало не противоречащие законам религиозные практики и верования и как оно выдает осуществление прав частных лиц на свободу совести, слова и объединения за попытки свергнуть правительство. В докладе подробно описаны испытания, через которые независимым мусульманам пришлось пройти с момента их задержания до заключения в тюрьму (некоторым из них были приговорены к 20 годам тюрьмы). Большинство людей, чьи истории представлены в докладе, до сих пор находятся в тюрьме. Они подвергались пыткам и жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, пытавшихся добиться от них признаний. Задержанные были лишены права переписки и общения, права на адвоката и права на справедливый суд; вынесенные им приговоры были основаны на сфабрикованных показаниях. Они продолжают подвергаться пыткам и жестокому обращению, отбывая срок в узбекских тюрьмах. Мы также зафиксировали случаи задержания, преследования и

запугивания их семей, в том числе публичные обвинения в духе советского времени, выдвигаемые местными властями против тех, кого они называют исламскими «фундаменталистами»...

Наконец, в докладе описаны препятствия, с которыми независимые мусульмане сталкиваются, требуя возмещения ущерба через государственные учреждения, в том числе суды, уполномоченного по правам человека и прокуратуру. В докладе также рассказывается о притеснениях, которым они зачастую подвергаются за обращение к международным организациям...

... С 2000 г. аресты и осуждение независимых мусульман – в основном членов «Хизб ут-Тахрир», но также и людей, обвиняемых в «ваххабизме» - продолжаются во все больших масштабах. Число арестов превысило число освобождений при исполнении правительственных указов об амнистии в 2001 и 2002 годах. По состоянию на 25 сентября 2003 г. правозащитная организация «Хьюман Райтс Вотч» оценила и занесла в свою базу данных 1 229 случаев заключения в тюрьму независимых мусульман по религиозным мотивам. Кроме того, еще около 150 случаев ареста за религиозную деятельность, убеждения и членство в религиозных организациях ожидают внесения в базу данных. Исследователи российской правозащитной группы общества «Мемориал» задокументировали 1 967 случаев ареста независимых мусульман.

В ходе проведения кампании местных властей по всей стране самое большое число арестов имело место в столице Узбекистана Ташкенте и в некоторых городах Ферганской долины. Подавляющее большинство случаев, зафиксированных «Хьюман Райтс Вотч» и обществом «Мемориал», произошло с людьми из вышеуказанных регионов.

Как описано в данном докладе, действия властей были направлены на устранение предполагаемой угрозы со стороны исламского «фундаментализма» и «экстремизма» путем лишения права голоса и наказаний мусульман, отвергавших контроль властей над религией. Была разработана и осуществлена политика, нацеленная на отстранение исламских организаций от политики для предотвращения соперничества между правительством Каримова и независимыми мусульманскими лидерами за авторитет в глазах народа. Страх того, что религия может покорять сердца и умы людей, является частью советского наследия, но правительство Каримова сделало из этой идеи собственный проект, использующий традиционные методы контроля и новые тактики против религиозных сил, подрывающих авторитет властей.

Среди первых целей кампании оказались мусульманские духовные лидеры, отказавшиеся ограничить свои проповеди и учение тем, что диктовалось властями. Прочие акты «неповиновения» носили разнообразный характер – от противодействия правительственному запрету на использование громкоговорителя для призыва людей к молитве, нежелания восхвалять президента Каримова в ходе религиозных служб, открытого обсуждения преимуществ исламского государства и применения мусульманского права до отказа предоставлять силовым ведомствам информацию об участниках религиозных собраний и других религиозных лидерах. Власти неправильно назвали таких религиозных лидеров «ваххабитами» и стали преследовать или задерживать людей, имевших близкое или случайное отношение к ним: участников религиозных собраний, включая тех, кто присутствовал на

службах религиозных организаций до того, как их лидеры попали в опалу, учеников имамов, работников мечетей и даже родственников таких религиозных лидеров...

Используемый в настоящем докладе термин «независимые мусульмане» обозначает мусульман, которые в своих религиозных практиках, убеждениях и их выражении не ориентируются на политику государства. Верования и практики тех, кто подвергается опасности быть отнесенными к числу «фундаменталистов», различаются между собой. Узбекские власти подозревают в «фундаментализме» всех мусульман, выражающих религиозные убеждения каким-либо образом, не укладывающимся в установленные властями рамки. «Независимость» в данном контексте не обязательно означает отклонение от традиционных религиозных практик; независимые мусульмане – не обязательно те, кто активно противоречит воле властей. Кампания узбекских властей против независимого ислама направлена не только на тех мусульман, которые демонстрируют объективную независимость от государства, но и на тех, которые просто являются «слишком религиозными» по мнению представителей властей.

Члены «Хизб ут-Тахрир», так же, как и мусульмане, называемые узбекскими властями «ваххабитами», в своем большинстве являются и считают себя суннитами школы Ханафи, как и большинство узбекских мусульман, а не приверженцами ваххабизма в том виде, в котором он присутствует в Саудовской Аравии. Некоторые из узбекских мусульман были названы «ваххабитами» за то, что молятся пять раз в день – местные власти некоторых узбекских провинций считают это признаком чрезмерной или подозрительной набожности – или открыто выражают свои религиозные убеждения, отращивая бороду или нося головной платок, закрывающий лицо».

104. В докладе международной правозащитной организации Amnesty International по Узбекистану 2009 г., опубликованном в мае 2009 г., говорится о том, что данная организация продолжает регулярно получать сообщения о широком применении пыток и жестокого обращения от лиц, подозреваемых в участии в запрещенных религиозных организациях или в совершении террористических актов. В докладе подчеркивается, что узбекские власти активно добиваются экстрадиции этих лиц от соседних стран, в том числе России, а также того, чтобы большинство таких лиц, возвращенных в Узбекистан, содержались в заключении без права переписки и общения, что повышает риск применения к ним пыток и жестокого обращения.

105. 1 мая 2010 г. организация Amnesty International опубликовала документ под названием «Узбекистан: обзор текущей ситуации с правами человека», в котором говорится следующее:

«Amnesty International считает, что ситуация с соблюдением прав человека в Узбекистане значительно ухудшилась с момента так называемых Андижанских событий в мае 2005 г. ...

Особое беспокойство в свете утверждений узбекских властей о предпринимаемых ими усилиях по борьбе с безнаказанностью и жестоким, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, вызывают регулярные сообщения о пытках и прочих видах жестокого обращения со

стороны сотрудников правоохранительных органов и тюремных надзирателей, в том числе о насилии над женщинами, содержащимися в местах заключения ...

Несмотря на заверения узбекских властей о том, что случаев применения пыток стало гораздо меньше, Amnesty International продолжает получать сообщения о широко распространенных пытках и других видах жестокого обращения с задержанными и заключенными.

Согласно данным докладам, в большинстве случаев власти не проводили своевременное, тщательное и беспристрастное расследование жалоб о пытках и других видах жестокого обращения. Amnesty International обеспокоена безнаказанностью людей, ответственных за пытки и другие формы жестокого обращения, преследование которых остается скорее исключением, чем правилом...

Также были получены сведения о том, что люди, возвращенные в Узбекистан по запросам об экстрадиции, содержались в заключении без права переписки и общения, что повышает риск применения к ним пыток или иного жестокого обращения, а также несправедливого суда. Например, в одном случае, произошедшем в 2008 г., мужчина, возвращенный в Узбекистан из России, был приговорен к 11 годам тюремного заключения по итогам несправедливого судебного разбирательства. Его родственники сообщили, что по возвращении в Узбекистан он в течение трех месяцев содержался в заключении без права переписки и общения и подвергался пыткам и жестокому обращению в период предварительного заключения. Ему не дали возможность самому выбрать себе адвоката, и судья первой инстанции признал допустимыми показания, которые, по имеющимся сведениям, были получены под пытками».

106. В январе 2011 г. правозащитная организация «Хьюман Райтс Вотч» опубликовала свой ежегодный Всемирный доклад 2010. В главе под названием «Узбекистан» говорится следующее:

«Ситуация с соблюдением прав человека в Узбекистане остается ужасающей и за 2010 год не было практически ни каких улучшений. Власти продолжают активно преследовать активистов гражданского общества, членов оппозиции и независимых журналистов, а также верующих, чьи убеждения и практики выходят за строгие рамки, установленные государством...

Пытки в Узбекистане по-прежнему сильно распространены. Права задержанных нарушаются на каждом этапе расследования и судебного процесса, несмотря на изменения в законодательство о неприкосновенности личности, принятые в 2008 г. Узбекские власти не смогли по существу выполнить рекомендации по борьбе с пытками, данные им Специальным докладчиком ООН в 2003 г.

Подозреваемым не предоставлена возможность выбрать адвоката в то время как наличие адвоката является важной составляющей защиты от пыток в период предварительного заключения. Полиция применяет пытки и прочие незаконные методы для получения показаний и признаний от задержанных. Власти систематически отказываются расследовать жалобы подсудимых на жестокое обращение...

Хотя конституция Узбекистана предусматривает свободу вероисповедания, узбекские власти продолжают свою безжалостную многолетнюю кампанию

произвольных арестов, задержаний и пыток мусульман, чья вера и религиозные практики не подчиняются контролю государства, или которые принадлежат к незарегистрированным религиозным организациям. Более 100 человек были арестованы или осуждены в 2010 г. по обвинениям в религиозном экстремизме.

...

Сотрудничество узбекских властей с международными организациями остается на низком уровне. Узбекские власти продолжают отказывать в доступе всем восьми официальным представителям ООН, запросившим приглашения, в том числе экспертам по вопросу пыток и правозащитникам...»

107. В главе, посвященной Узбекистану в докладе Amnesty International за 2011 год, опубликованном в мае этого же г., говорится следующее:

«Продолжают регулярно поступать сообщения о пытках и прочих видах жестокого обращения. Десятки членов религиозных и исламских меньшинств получили длительные сроки тюремного заключения в результате несправедливых судебных разбирательств...

Пытки и иные виды жестокого обращения

Несмотря на заверения властей о том, что случаи пыток стали происходить значительно реже, сообщения о пытках и иных видах жестокого обращения с задержанными и заключенными под стражу продолжают регулярно поступать. В большинстве случаев власти не провели своевременного, тщательного и беспристрастного расследования такого рода жалоб.

Несколько тысяч человек, осужденных за членство в исламистских партиях или участие в исламистских движениях, запрещенных в Узбекистане, а также за критику властей и политическую оппозицию, продолжают отбывать длительные сроки в тюрьме в жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство условиях.

Узбекистан снова отказал во въезде в страну Специальному докладчику ООН, несмотря на новые запросы.

...

Борьба с терроризмом и безопасность

Среди задержанных в 2009 г. по подозрению в участии или содействии организациям «Исламское движение Узбекистана», «Исламский союз джихада» и «Хизб ут-Тахрир» есть люди, посещавшие незарегистрированные мечети, учившиеся у независимых имамов, ездивших за границу или подозреваемых в связях с запрещенными исламскими организациями. Многие из них, предположительно, содержались в заключении без обвинений и суда в течение долгого времени. Были также сообщения о пытках и несправедливых судебных разбирательствах.

...

Свобода религии

Власти продолжали жестко контролировать религиозные объединения, нарушая их право на свободу религии. Наиболее активным преследованиям

подвергались члены незарегистрированных организаций, таких, как объединения христиан евангельской веры, и мусульмане, посещавшие мечети, не контролируемые государством».

2. Реакция на террористические акты в Ташкенте и Ферганской долине в 2009 г.

108. В докладе Amnesty International от 1 мая 2010 г. под названием «Узбекистан: обзор текущей ситуации с правами человека» говорится следующее:

«... Amnesty International обеспокоена сообщениями о нарушениях прав человека, совершенных в ходе преследования заявленных целей обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом после ряда нападений и убийств по всей стране в 2009 г....»

Amnesty International обеспокоена тем, что реакция властей на нападения, совершенные в мае и августе 2009 г. противоречила обязательствам соблюдать запрет на произвольные аресты, пытки и иные виды жестокого обращения и уважать право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренным МПГПП.

Мы располагаем сведениями о случаях нападения в Ферганской долине и Ташкенте в мае и августе 2009 г. соответственно. В июле 2009 г. в Ташкенте были убиты проправительственный имам и высокопоставленный сотрудник полиции. «Исламский союз джихада» взял на себя ответственность за совершенные 26 мая 2009 г. в Ферганской долине нападения на отделение милиции, пункт пограничного контроля и правительственное учреждение в Ханабаде, а также за взрыв бомбы террористами-смертниками в отделении милиции в Андижане в тот же день....»

За данными преступлениями последовали сообщения о новой волне произвольных арестов. Среди задержанных по подозрению в причастности или содействии трем вышеупомянутым организациям были мужчины и женщины, посещавшие независимые мечети, учившиеся у независимых имамов, путешествовавшие или учившиеся за границей или имевшие родственников, живших за границей или подозреваемых в членстве в запрещенных исламских организациях. Предполагается, что многие из них были задержаны без обвинений и суда в течение долгого времени и подвергались пыткам и/или были приговорены к тюремному заключению в результате несправедливых судебных разбирательств.

В сентябре 2009 г., в начале первого судебного разбирательства в отношении людей, обвиненных в совершении террористических актов в Ферганской долине в мае, правозащитники сообщили о том, что слушания по делу были закрытыми, несмотря на заверения президента и генерального прокурора о том, что суд будет открытым и справедливым. Однако независимых наблюдателей в зал суда не пустили. Родственники некоторых из подсудимых сообщили правозащитникам, что их адвокатам не предоставили доступа к материалам дела и не пускали в зал суда...»

109. В ежегодном докладе от 2011 г., опубликованном в мае того же г., Amnesty International утверждает следующее:

«Борьба с терроризмом и безопасность»

В январе начались закрытые судебные разбирательства над 70 осужденными, которым было предъявлено обвинение в совершении террористических актов в Ферганской долине и Ташкенте в мае и августе 2009 г. и убийстве проправительственного имама и высокопоставленного сотрудника полиции в Ташкенте в июле 2009 г. В совершении указанных преступлений власти обвинили «Исламское движение Узбекистана» (далее «ИДУ»), «Союз исламского джихада» (далее «СИД») и исламистскую партию «Хизб ут-Тахрир» (все три организации запрещены в Узбекистане). Среди задержанных по подозрению в членстве или содействии вышеупомянутым организациям в 2009 г. были люди, посещавшие независимые мечети, учившиеся у независимых имамов, ездившие за границу или подозреваемые в членстве в запрещенных исламских организациях. Предполагается, что многие из них содержались в заключении без суда и обвинений в течение длительного времени. Были также сообщения о пытках и несправедливых судебных разбирательствах...»

110. В годовом отчете о международном положении относительно религиозных свобод за 2010 год, опубликованном в ноябре того же г. Госдепартаментом США, в главе, посвященной Узбекистану говорится следующее:

«Летом 2009 г. в Ташкенте произошло два убийства высокопоставленных лиц, одно покушение на убийство и одна перестрелка, в которых власти увидели религиозную подоплеку (например, одной из жертв был главный имам Ташкента). В последующие месяцы в связи с данными событиями было арестовано 200 человек; многих из них обвинили в принадлежности к экстремистским религиозным организациям и в попытках совершить государственный переворот. С января по апрель 2010 г. в ходе закрытых судебных разбирательств были осуждены не менее 50 человек, которым были вынесены разные приговоры – от условных наказаний до 18 лет тюремного заключения. Также есть неподтвержденные сведения о том, что еще 150 человек были осуждены в ходе процессов, связанных с вышеупомянутыми событиями. В тот же период власти Узбекистана возбудили более 100 уголовных дел против предполагаемых экстремистов (особенно тех, которых назвали «ваххабитами» и «джихадистами») по обвинениям, не имевшим отношения к вышеупомянутым убийствам. Правозащитники сообщают, что родственники некоторых подсудимых обвиняли власти в применении пыток и принуждении с целью получения показаний, и многие усомнились в справедливости судебных процессов...»

Б. Документы Совета Европы об исчезновении заявителей, в отношении которых Суд указал принять обеспечительные меры

111. Решение Комитета Министров Совета Европы (CM/Del/Dec(2012)1136/19), вынесенное 8 марта 2012 г. на 1136-м заседании заместителей Министров, гласит:

«Заместители

...

4. по делу Искандарова, напомнили, что нарушения Конвенции в данном случае были связаны с похищением заявителя неизвестными лицами, которых суд счел представителями российских государственных органов, и его принудительным возвращением в Таджикистан после того, как российские власти отказали в его экстрадиции;
5. серьезно обеспокоены указанием Суда на то, что несколько случаев подобного рода произошли с четырьмя другими заявителями, чьи дела ожидают рассмотрения в Суде, в которых Суд указал властям принять обеспечительные меры для предотвращения экстрадиции этих заявителей в связи с риском серьезных нарушений Конвенции в отношении заявителей;
6. приняли во внимание позицию российских властей, серьезно озадаченных данной ситуацией;
7. далее приняли во внимание, что российские власти в настоящее время рассматривают данные случаи и обещают представить результаты их расследования в России Суду в рамках рассмотрения данных дел и Комитету в связи с делом Искандарова;
8. потребовали от российских властей принятия всех необходимых мер к выяснению обстоятельств похищения Искандарова и предотвращению повторения подобных случаев в будущем, а также к информированию об этом Комитета Министров...»

112. В своем решении (CM/Del/Dec(2012)1144/18), вынесенном 6 июня 2012 г. на 1144-м заседании Заместителей Министров, Комитет Министров вновь высказал свои опасения о повторных случаях исчезновения заявителей, в отношении которых Судом было дано указание о принятии обеспечительных мер:

«Заместители

...

3. сожалеют, что, несмотря на серьезные опасения, выраженные в отношении подобных инцидентов Председателем Суда, Комитетом Министров и самими российскими властями, были получены сведения о том, что еще один заявитель пропал 29 марта 2012 г. в Москве и в скором времени был обнаружен в заключении в Таджикистане;
4. приняли во внимание позицию российских властей, по утверждению которых расследование дела Искандарова продолжается, и роль российского государства в похищении заявителя до сих пор не определена;
5. сожалеют, что до сих пор ни в деле Искандарова, ни в каком-либо другом деле подобного рода власти не достигли какого-либо значительного прогресса во внутреннем расследовании похищений заявителей и их вывоза в Таджикистан и не установили вину ни одного из представителя государственных органов...»

ПРАВО

I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

113. Принимая во внимание тот факт, что мнения сторон относительно обстоятельств вывоза заявителя в Таджикистан расходятся, Суду предстоит установить факты данного дела.

114. Власти утверждали, что после освобождения заявителя в июне 2011 г. он больше не находился под надзором властей. Никаких доказательств причастности властей к вывозу заявителя в Таджикистан обнаружено не было. Расследование обстоятельств его похищения продолжалось. Адвокат заявителя, Рябинина, была вызвана для дачи показаний. Но на допрос она не явилась.

115. Заявитель утверждал, что был похищен и тайно вывезен в Таджикистан, и что есть серьезные основания полагать, что к его похищению причастны российские власти. Во-первых, он и его друзья были похищены неизвестными лицами в присутствии сотрудника полиции и сразу после проверки документов. Во-вторых, их отвезли прямо на взлетное поле и посадили в самолет, минуя процедуры регистрации на рейс, пограничного контроля и проверки безопасности. По мнению заявителя, это было бы невозможно без участия или, по меньшей мере, попустительства компетентных властей. Также необходимо принять во внимание, что, несмотря на требование Суда представить выписки из журнала пограничного контроля о пересечении заявителем российской границы власти этого не сделали. Причины невыполнения требования Суда они не объяснили. Более того, паспорт заявителя находится у российских властей, поэтому он вряд ли мог пройти пограничный контроль без помощи властей. Из всего вышесказанного следует, что российские власти имеют прямое отношение к похищению заявителя и его вывозу в Таджикистан.

116. О том, что касается официального расследования похищения заявителя, он сообщил, что, по прошествии многих месяцев после вышеупомянутых событий, расследование не дало никаких результатов. Лишь спустя восемь месяцев после похищения был отправлен запрос в пункт пропуска через государственную границу и другие государственные учреждения; до сих пор не было получено никакого ответа. Следователи не допросили ни одного свидетеля (которыми могли бы быть, например, сотрудники аэропорта). В данных обстоятельствах расследование нельзя считать достаточным и эффективным. Следователь ни разу не вызвал Рябинину. Другого адвоката заявителя, Тренину, наоборот, дважды вызывали на допрос.

Она представила следователю полную информацию об обстоятельствах исчезновения заявителя.

117. Суд с самого начала указал на свою вспомогательную роль в процессе и признал, что должен крайне осторожно брать на себя функции суда первой инстанции, исследующего и разрешающего фактические обстоятельства, если только это не является необходимым для проверки обстоятельств конкретного дела (см. дело «МакКерр против Великобритании» (*McKerr v. the United Kingdom*) (реш.), № 28883/95, от 4 апреля 2000 г., и дело «Алгун против Турции» (*Altun v. Turkey*), № 24561/94, § 42, от 1 июня 2004 г.). Однако в случае, если утверждения основаны на статье 3 Конвенции, Суд обязан провести особенно тщательную проверку, даже если определенные национальные судебные разбирательства и расследования уже были проведены (см. дело «Мэтью против Нидерландов» (*Mathew v. the Netherlands*), № 24919/03, § 155, ECHR 2005 IX).

118. Далее Суд также напоминает, что для оценки материалов дела, он принимает критерий доказанности «все всякого сомнения». Однако при рассмотрении дела в Суде не существует процессуальных препятствий для оценки приемлемости доказательств или заранее готовых формул оценки. Суд делает выводы, которые, по его мнению, подкреплены свободной оценкой всех доказательств, в том числе предположения на основе фактов и представленных сторонами материалов. В соответствии с прочно установившейся прецедентной практикой Суда, такое доказательство может следовать из сосуществования достаточно конкретных, четких и согласованных выводов или подобных непроверяемых презумпций фактов. Более того, требования к уровню обоснования, необходимому для достижения определенного вывода и, в связи с этим, распределение бремя доказывания существенно связано со спецификой фактов, характером вынесенных предположений, а также затрагиваемыми правами в соответствии с Конвенцией. (см. также и далее дело «Начова и другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*) [GC], №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, ECHR 2005 VII).

119. Суд также признал, что предусмотренное Конвенцией судопроизводство не во всех случаях предполагает безоговорочное применения принципа *affirmanti incumbit probatio* (тот, кто что-то утверждает, должен доказать свое утверждение), поскольку в некоторых случаях только компетентные власти способны подтвердить или опровергнуть эти утверждения. Непредставление властями такой информации без каких-либо объяснений может привести к выводу об обоснованности утверждений заявителя (см., среди прочего, дело «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*) № 55723/00, § 79, ECHR 2005-IV, и дело «Ахмет Озкан и другие против Турции» (*Ahmet Özkan and Others v. Turkey*) № 21689/93, § 426, от 6

апреля 2004 г.; см. также правило 44С Регламента Суда). Следовательно, при рассмотрении дел, события которых полностью или частично находятся в исключительной компетенции властей, бремя доказывания может являться обязанностью властей, которые обязаны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. дело «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*) [GC], № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и дело «D.H. и другие против Чешской Республики» (*D.H. and Others v. the Czech Republic*) [GC], № 57325/00, § 179, ECHR 2007 XII).

120. Не подлежит сомнению, что 23 августа 2011 г. заявитель исчез из Москвы и позднее был обнаружен в тюрьме в Таджикистане. Суд отмечает, что заявитель дал очень подробное описание своего похищения и вывоза в Таджикистан (см. пункты 54–65 выше). Суд также отмечает, что предоставление доказательств, подкрепляющих слова заявителя и сбор показаний свидетелей, которые могут подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя, находятся вне компетенции Суда, поскольку лишь власти имеют доступ к документам (в частности, журналу пограничного контроля, именам членов экипажа самолета и списку пассажиров, летевших данным рейсом в Таджикистан). В данных обстоятельствах только власти могут опровергнуть утверждения заявителя и предоставить убедительное объяснение его присутствия в Таджикистане.

121. Суд подчеркивает, что власти не представили никаких сведений, способных опровергнуть утверждения заявителя. Российские власти начали расследование, которое на данный момент продолжается. Однако из материалов дела следует, что единственной мерой, принятой до сих пор в ходе данного расследования, был запрос на получение информации, направленный следователем в пункт пропуска через государственную границу и другие государственные учреждения в конце марта или начале апреля 2012 г., через восемь месяцев после исчезновения заявителя (см. пункт 69 выше). Суд не уведомил о том, был ли получен какой-либо ответ на этот запрос.

122. В материалах дела нет свидетельств того, что были приложены какие-либо усилия к тому, чтобы найти и допросить свидетелей, способных подтвердить или опровергнуть рассказ заявителя о его похищении. Исходя из того, что заявитель сообщил время вылета из Москвы и прибытия в Худжанд, можно было бы установить, каким рейсом он вылетел, и допросить бортпроводников и пассажиров рейса о присутствии на борту троих человек в наручниках и двоих конвоиров. Также можно было бы узнать имена полицейских, патрулировавших центр Москвы 23 августа 2011 г. с целью проверки документов и допросить сотрудника полиции, проверявшего документы заявителя и его друзей непосредственно перед их похищением. Однако не было предпринято никаких попыток

допросить возможных свидетелей. Следовательно, власти не смогли представить никаких доказательств, способных опровергнуть утверждения заявителя о его похищении и принудительном вывозе в Таджикистан.

123. Власти также не предоставили убедительного альтернативного объяснения присутствию заявителя в Таджикистане. На данный момент представленные властями материалы можно интерпретировать как утверждение о том, что заявитель поехал в Таджикистан по собственной воле, но в них нет объяснения тому, как заявитель мог пересечь российскую границу без паспорта, который находился у российских властей. Более того, несмотря на требование Суда, власти не представили никакой информации из журнала пограничного контроля о том, где и когда заявитель покинул территорию Российской Федерации.

124. В данных обстоятельствах Суду представляются убедительными утверждения заявителя о том, что он был похищен и вывезен самолетом в Таджикистан без соблюдения установленных правил.

125. В том, что касается утверждений заявителя о причастности российских властей к его похищению, Суд может лишь признать их достоверными. Действительно, есть серьезные сомнения в том, что неизвестные похитители могли провести заявителя через паспортный и таможенный контроль в аэропорту без согласия компетентных представителей властей. Власти не представили удовлетворительного объяснения тому, как заявитель, не имея с собой паспорта, мог пройти пограничный контроль в аэропорту без отметки в журнале пограничного контроля, если его не сопровождали представители российских властей (аналогичные обоснования см. в деле «Искандаров против России» (*Iskandarov v. Russia*), № 17185/05, § 113, от 23 сентября 2010 г.).

126. В свете вышеизложенного Суд полагает, что, в то время как заявитель представил достаточно серьезные доказательства того, что он был похищен и вывезен в Таджикистан российскими властями, власти не смогли дать удовлетворительного и убедительного объяснения тому, как он оказался в Таджикистане.

127. Соответственно, Суд считает установленным тот факт, что 23 августа 2011 г. заявитель был похищен и вывезен в Таджикистан против его воли, где был передан таджикским властям, при том, что российские власти знали о похищении, которому оказывали пассивное или активное содействие.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

128. Заявитель жаловался, что в результате его тайного вывоза в Таджикистан, где для него существовала угрозы быть экстрадированным в Узбекистан, он подвергся угрозе пыток и религиозного преследования. Он также жаловался на то, что его аргументы об угрозе быть подвергнутым жестокому обращению в случае экстрадиции в Узбекистан не были тщательно рассмотрены российскими властями. Он ссылаясь на статьи 3 и 13 Конвенции, которые гласят:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

A. Показания сторон

129. Власти заявили, что экстрадиция заявителя в Узбекистан не подвергнет его угрозе жестокого обращения или политического преследования. Его утверждения о подобного рода опасности, впервые упомянутые им при обжаловании решения прокуратуры о его экстрадиции, были рассмотрены и отклонены российскими судами. Власти привели те же обоснования, что и российские суды и предпочли опереться на дипломатические гарантии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан.

130. Заявитель утверждает, что он сообщил российским властям о своем опасении подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане еще в декабре 2009 г. при подаче ходатайства о признании беженцем. Во время рассмотрения его ходатайства о признании беженцем и во время производства по экстрадиции он постоянно напоминал о своем опасении. Он ссылаясь на доклады агентств ООН и признанных неправительственных организаций, в которых ясно говорилось, что люди, которые, как и он, подозреваются в участии в запрещенных религиозных организациях, подвергались особой опасности жестокого обращения. Заявитель также отметил, что формулировка выдвинутых против него обвинений доказывала, что обвинения основаны на политических и религиозных мотивах. Однако российские власти не приняли во внимание показания заявителя и сочли его страхи необоснованными, не проведя при этом тщательной оценки общей

ситуации в Узбекистане или его личных обстоятельств и полагаясь на дипломатические гарантии узбекских властей. Тем не менее, данные гарантии оказались несостоятельными по причине отсутствия механизмов контроля за их выполнением и ответственности за их нарушение (заявитель ссылаясь на дело «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), от 15 ноября 1996 г., § 105, Отчеты о постановлениях и решениях 1996 V, и дело «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*) [GC], № 37201/06, § 147, ECHR 2008).

Б. Оценка суда

1. Статья 3

(а) Приемлемость

131. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что не видит оснований считать ее недопустимой. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

(б) Существо дела

(i) Общие принципы

132. Существует сложившаяся судебная практика, согласно которой решение о выдаче государством-участником Конвенции может стать нарушением статьи 3, и вследствие этого повлечь ответственность государства в соответствии с Конвенцией, если имелись существенные основания полагать, что выданное лицо столкнется с реальным риском подвергнуться обращению, противоречащему статье 3, в стране, требующей его экстрадиции. Чтобы установить такую ответственность, необходимо оценить условия в этой стране в сопоставлении их с требованиями статьи 3 Конвенции. При этом вопрос об ответственности страны, в которую осуществляется экстрадиция, не возникает ни в соответствии с общим международным правом, ни в соответствии с Конвенцией, ни иным образом. На основании Конвенции речь может идти только об ответственности осуществившей экстрадицию Договаривающейся Стороны, действие которой непосредственно привело к тому, что лицо стало объектом жестокого обращения, запрещенного Конвенцией (см. дело «Серинг против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*), от 7 июля 1989 г., §§ 89-91, Series A № 161).

133. Для того, чтобы установить, действительно ли заявитель в случае выдачи подвергнется реальной опасности жестокого обращения, противоречащего статье 3, Суд рассмотрит данный вопрос

с учетом всех представленных ему материалов или, в случае необходимости, с учетом материалов, полученных им *proprio motu*¹ (см. дело «Н.Л.Р. против Франции» (*H.L.R. v. France*), от 29 апреля 1997 г., § 37, Сборник судебных решений 1997-III). Поскольку характер ответственности Договаривающихся Сторон в соответствии со статьей 3 в подобного рода делах заключается в том, что возникает опасность для лица быть подвергнутым жестокому обращению, то существование такой опасности необходимо оценить в первую очередь на основании тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающейся Стороне на момент предполагаемой экстрадиции (см. дело «Круз Варас и другие против Швеции» (*Cruz Varas and Others v. Sweden*), от 20 марта 1991 г., §§ 75-76, серия А № 201 и дело «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), от 30 октября 1991 г., § 107, Series A № 215). Но если заявитель не был выслан или депортирован на момент рассмотрения дела в Суде, отправным моментом должна стать дата судебного разбирательства (см. вышеуказанное дело «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), §§ 85-86).

134. Чтобы установить, существует ли опасность жестокого обращения, Суд должен рассмотреть предвидимые последствия выдачи заявителя государству, требующему его экстрадиции, принимая во внимание общую ситуацию в данном государстве, а также личные обстоятельства заявителя (см. упомянутое выше дело «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*) § 108 *in fine*). Принципиальным для заявителя является представление доказательств, подтверждающих, что имеются веские основания полагать, что если обжалуемая мера будет исполнена, то он столкнется с реальной опасностью подвергнуться обращению, противоречащему статье 3 (см. дело «Н. против Финляндии» (*N. v. Finland*), жалоба № 38885/02, § 167, от 26 июля 2005 г.). Если такие доказательства будут представлены, власти должны будут их опровергнуть (см. дело «Рябикин против России» (*Ryabikin v. Russia*), жалоба № 8320/04, § 112, от 19 июня 2008 г.).

135. Что касается общей ситуации в конкретной стране, то Суд полагает, что ему следует принять во внимание информацию, содержащуюся в последних докладах независимых международных правозащитных организаций или государственных источников (см., например, вышеуказанное дело «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), §§ 99-100; «Муслим против Турции» (*Muslim v. Turkey*), жалоба № 53566/99, § 67, от 26 апреля 2005 г.; «Саид против Нидерландов» (*Said v. the Netherlands*),

¹ *Proprio motu* (лат.) – по собственной инициативе (Прим. переводчика).

жалоба № 2345/02, § 54, ЕСПЧ 2005-VI; и «Аль-Моайад против Германии» (*Al Moayad v. Germany*) (реш.), жалоба № 35865/03, §§ 65-66, от 20 февраля 2007 г.). Кроме того, при оценке вероятности жестокого обращения в стране, требующей экстрадиции, Суд рассматривает общую ситуацию в данной стране, учитывая любые свидетельства улучшения или ухудшения положения в области прав человека в целом или в отношении конкретной группы или территории, которые могут быть существенными для личных обстоятельств заявителя (см. *mutatis mutandis* дело «Шамаев и другие против Грузии и России» (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*), жалоба № 36378/02, § 337, ЕСПЧ 2005-III).

136. В то же время сама по себе вероятность жестокого обращения по причине неурегулированной ситуации в стране, требующей экстрадиции, не является основанием для нарушения статьи 3 (см. вышеуказанное дело «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), § 111, и дело «*Katani and Others v. Germany*» (реш.), жалоба № 67679/01, от 31 мая 2001 г.). Ссылки на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в той или иной стране, не могут сами по себе служить основанием для отказа в экстрадиции (см. «Джаксыбергенов против Украины» (*Dzhaksybergenov v. Ukraine*), жалоба № 12343/10, § 37, 10 февраля 2011 г.). В случае, когда имеющиеся у Суда источники содержат описание общей ситуации, конкретные утверждения заявителя по определенному делу требуют подтверждения другими доказательствами, со ссылкой на его личные обстоятельства в обоснование своих опасений относительно жестокого обращения (см. дело «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) (GC), жалобы № 46827/99 и 46951/99, § 73, ЕСПЧ 2005-I, и упомянутое выше дело Джаксыбергенова, *ibid*). Суд не требует подтверждения таких личных обстоятельств только в самых крайних случаях, когда общая ситуация насилия в стране назначения является настолько напряженной, что создает реальную опасность того, что выдача заявителя данной стране повлекла бы за собой нарушение статьи 3 (см. «N.A. против Соединенного Королевства», (*N.A. v. the United Kingdom*) жалоба № 25904/07, §§ 115-116, от 17 июля 2008 г., и дело «Суфи и Эльми против Соединенного Королевства», (*Sufi and Elmi v. the United Kingdom*) жалобы № 8319/07 и 11449/07, § 217, от 28 июня 2011 г.).

137. В отношении собственного контроля Суд напоминает, что он должен проявлять осторожность, принимая на себя функции суда первой инстанции при установлении фактов. Суд уже признавал в различных контекстах, когда имеется национальное судебное производство, в его задачу не входит замена своей собственной оценкой фактов оценки национальных судов, и, как правило, оценка

представленных доказательств является функцией именно этих судов (см. среди прочих «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*) (GC), жалоба № 23458/02, §§ 179-180, от 24 марта 2011 г.). Несмотря на то, что Суд не обязан соглашаться с фактами, установленными национальными судами, в обычных обстоятельствах только неоспоримые сведения могут заставить его отступить от фактов, установленных такими судами (*ibid*). В то же время в соответствии со статьей 19 Конвенции обязанностью Суда является обеспечение соблюдения обязательств, взятых на себя Договаривающимися Сторонами Конвенции. В том, что касается экстрадиции или депортации, Суд напоминает, что в случаях, когда заявитель предоставляет разумные доводы, ставящие под сомнение точность информации, которой руководствуется государство-ответчик, Суд должен получить подтверждения того, что оценка, произведенная Договаривающейся Стороной Конвенции, является адекватной и опирается на достаточные национальные материалы, а также на материалы, полученные из других надежных источников (см. «Салах Шеех против Нидерландов» (*Salah Sheekh v. the Netherlands*), жалоба № 1948/04, § 136, от 11 января 2007 г.).

138. Суд также недавно постановлял, что в тех случаях, когда государство передает лицо, обращающееся с просьбой о предоставлении политического убежища, стране-посреднику в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами, то данное государство должно удостовериться, что процедура предоставления убежища, действующая в стране-посреднике, предоставляет достаточные гарантии того, что лицо, ходатайствующее о предоставлении убежища, не будет передано, напрямую или через посредников, в страну своего происхождения без какой-либо оценки опасности, которой оно может быть подвергнуто с точки зрения статьи 3 Конвенции (см. «M.S.S. против Бельгии и Греции» (*M.S.S. v. Belgium and Greece*) (GC), жалоба № 30696/09, § 342, ЕСПЧ 2011).

(ii) Применение к настоящему делу

139. Суд отмечает, что российские власти вынесли решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан. Но решение об экстрадиции не было исполнено, так как Суд указал властям на необходимость принятия обеспечительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента суда. В июне 2011 г. заявитель был освобожден и несколько недель спустя тайно вывезен в Таджикистан, о чем было известно и к чему были причастны российские власти, как указано выше (см. пункт 127). В Таджикистане заявителя заключили под стражу с целью его последующей выдачи Узбекистану. Несмотря на то, что в ноябре 2011 г. он был освобожден, по всей видимости в

Таджикистане процедура рассмотрения вопроса о его выдаче все еще продолжается.

140. Суд должен удостовериться, что в Узбекистане заявитель действительно подвергнется риску обращения, противоречащего статье 3, и что, передав заявителя Таджикистану, Россия нарушила свои обязательства, предусмотренные этой статьей. В свою очередь Суд рассмотрит два вопроса.

(а) Вопрос о существовании для заявителя опасности быть подвергнутым жестокому обращению в Узбекистане

141. Суд уже рассматривал ряд дел, связанных с риском быть подвергнутым жестокому обращению в случае экстрадиции или выдворения лиц из России и других государств-участников Совета Европы в Узбекистан. Ссылаясь на материалы, полученные из различных источников, Суд установил, что общая ситуация в области прав человека в Узбекистане вызывает тревогу и что данные международных организаций свидетельствуют о серьезной и неослабевающей проблеме жестокого обращения с заключенными, о «систематичной» и «ничем не ограниченной» практике применения полицией пыток к тем, кто содержится под стражей, а также об отсутствии реальных доказательств, демонстрирующих какие-либо существенные улучшения в этой области (см. среди прочих упомянутое выше дело Исмаилова и других, § 121; упомянутое выше дело Муминова, §§ 93-96; дело «Гараев против Азербайджана» (*Garayev v. Azerbaijan*), жалоба № 53688/08, § 71, от 10 июня 2010 г., и дело «Якубов против России» (*Yakubov v. Russia*), жалоба № 7265/10, §§ 81 и 82, от 8 ноября 2011 г.).

142. Более того, Суд рассмотрел ряд дел, в которых заявители обвинялись в совершении уголовных преступлений в связи с тем, что они являлись членами запрещенных религиозных организаций Узбекистана, таких как «Хизб ут-Тахрир» (см. упомянутое выше дело Муминова, §§ 94-98; дело «Каримов против России» (*Karimov v. Russia*), жалоба № 54219/08, § 100, от 29 июля 2010 г.; и упомянутое выше дело Якубова, §§ 83-94), или других религиозных групп (см. дело «Абдулажон Исаков против России» (*Abdulazhon Isakov v. Russia*), жалоба № 14049/08, § 110, от 8 июля 2010 г.; «Султанов против России» (*Sultanov v. Russia*), жалоба № 15303/09, § 72, от 4 ноября 2010 г.; и «Эргашев против России» (*Ergashev v. Russia*), жалоба № 12106/09, § 113, от 20 декабря 2011 г.). Суд установил, что данные лица подвергались особой опасности жестокого обращения, и что их выдворение или экстрадиция в Узбекистан привели бы к нарушению статьи 3.

143. В действительности имеющиеся доклады (см. пункты 99-107) подтверждают тот факт, что власти Узбекистана проводят кампанию

по задержанию и уголовному преследованию мусульман, проповедующих веру вне зоны государственного контроля или состоящих в незарегистрированных религиозных организациях, группах или неофициальных ассоциациях и известных как «ваххабиты», «фундаменталисты» или «религиозные экстремисты». Из этих докладов становится ясно, что в Узбекистане имеет место серьезная проблема жестокого обращения с заключенными, обвиняемыми в совершении разного рода преступлений, таких как принадлежность к экстремистской организации или попытка свергнуть правительство страны в связи с их принадлежностью и деятельностью в составе незарегистрированных религиозных организаций, групп или неофициальных ассоциаций, в некоторых случаях также ставящих перед собой религиозные и политические задачи. Доклады содержат ссылки на такие факты, как задержание с лишением права переписки и общения, систематичное жестокое обращение с данными лицами и отказы в оказании правовой помощи и проведении справедливого судебного разбирательства.

144. Что касается конкретной ситуации заявителя, то Суд отмечает, что он обвиняется властями Узбекистана в участии в экстремистской религиозной организации и попытке свержения конституционного строя в стране. Данные обвинения основываются на предполагаемом участии заявителя в собраниях, проводимых запрещенной религиозной организацией, и хранении им религиозной литературы. Он обвиняется в распространении идей «ваххабизма», по мнению властей «чуждых традиционному исламу», и, следовательно, в поддержке антиконституционных и антиправительственных настроений и «порочении демократической системы, установленной в Республике Узбекистан».

145. Изложенное выше послужило основанием для направления запроса об экстрадиции заявителя. Это свидетельствует о том, что его ситуация является аналогичной ситуации тех мусульман, которые распространяли свои религиозные убеждения за пределами официальных институтов и официальных рекомендаций, вследствие чего были обвинены в религиозном экстремизме и принадлежности к запрещенным религиозным организациям и по этой причине, о чем говорится в вышеуказанных докладах и постановлениях Суда, подвергались особой опасности жестокого обращения.

146. Существенным также является тот факт, что уголовное судопроизводство в отношении заявителя началось сразу же после совершения террористических атак в Ферганской долине летом 2009 г. По сообщениям авторитетных неправительственных организаций, в течение периода времени, последовавшего сразу за указанными событиями, началась волна незаконных арестов мусульман, посещающих незарегистрированные мечети, их последующих

тюремных заключений с лишением права переписки и общения, обвинений в религиозном экстремизме и попытках свержения конституционного строя; также участились случаи жестокого обращения с задержанными с целью добиться признания (см. пункты 108-110). По мнению Суда, тот факт, что обвинения против заявителя и запроса о его выдаче были выдвинуты именно в этот период, повышает риск жестокого обращения.

147. Суд также отмечает, что в отношении заявителя было выдано постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и, вероятнее всего, после экстрадиции он будет немедленно помещен под стражу, и доступ к нему будет запрещен как родственникам, так и независимым наблюдателям. Суд также учитывает тот факт, что Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев признало его нуждающимся в признании беженцем, установив, что его опасения подвергнуться преследованию и жестокому обращению в случае выдачи в Узбекистан, являются обоснованными (см. пункт 44). С учетом всего вышеперечисленного, суд убежден, что в случае возвращения в Узбекистан заявитель столкнется с реальной опасностью подвергнуться жестокому обращению.

148. Далее Суд отмечает, что вышеуказанные обстоятельства уже были известны властям. В частности, заявитель ссылаясь на международные доклады, экспертные заключения и свидетельские показания (см. пункты 36, 38, 47, 48 и 49). Однако, рассматривая вопрос о признании заявителя беженцем, Федеральная миграционная служба пришла к заключению, и данные факты впоследствии были подтверждены внутригосударственными судами, что опасность подвергнуться жестокому обращению не может служить основанием для признания беженцем (см. пункт 35). Что касается процедуры выдачи, то суды отказались рассматривать международные доклады (см. пункт 49) и посчитали мнения экспертов и свидетельские показания не относящимися к делу (см. пункты 51 и 53). Суд удивлен окончательным обоснованием, которые привели национальные суды, а также их отказом от рассмотрения материалов, полученных из надежных источников. В данных обстоятельствах Суд сомневается, что вопрос о вероятности жестокого обращения, с которым может столкнуться заявитель, являлся предметом тщательного изучения, как в ходе процедуры признания беженцев, так и в ходе процедуры рассмотрения вопроса об экстрадиции.

149. Как видно из судебных решений, вынесенных в ходе процедуры рассмотрения вопроса об экстрадиции, суды отклонили доводы заявителя об опасности быть подвергнутым жестокому обращению в Узбекистане и посчитали дипломатические гарантии властей Узбекистана более значимыми в данном деле. В связи с этим

Суд напоминает, что он уже предупреждал о том, что дипломатические гарантии недостаточны сами по себе для того, чтобы обеспечить адекватную защиту от опасности жесткого обращения в странах, где пытки применяются повсеместно и постоянно. Следует также указать, что даже в том случае, когда такие гарантии предоставлены, это не освобождает Суд от обязанности проверки, являются ли данные гарантии по сути достаточными для того, чтобы заявитель был защищен от опасности обращения, противоречащего Конвенции (см. упомянутое выше дело Чахала, § 105; упомянутое выше дело Саади, § 148; дело «Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*), жалоба № 8139/09, §§ 188 и 189, от 17 января 2012 г.).

150. Суд отмечает, что гарантии властей Узбекистана имели общий стандартный характер и не предусматривали каких-либо механизмов контроля. Суд считает, что властям не следует полагаться на данные гарантии без проведения их детальной оценки относительно принципов, разработанных Судом (см. упомянутое выше дело Отмана (Абу Катады), §§ 188 и 189).

151. С учетом изложенного выше, а также принимая во внимание, *inter alia*, общие сведения об уголовном преследовании заявителя, характере и фактических обстоятельствах обвинений в отношении него, материалы, указывающие на существование реальной опасности жестокого обращения с заключенными в ситуации, подобной ситуации заявителя, и отсутствие достаточных гарантий, исключающих такой риск, Суд приходит к заключению, что в Узбекистане заявитель столкнется с серьезной опасностью подвергнуться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Соответственно, в случае возвращения заявителя в Российскую Федерацию, его экстрадиция в Узбекистан приведет к нарушению статьи 3 Конвенции.

(В) Являлся ли вывоз заявителя в Таджикистан нарушением статьи 3 Конвенции

152. Суд установил, что заявитель был тайно вывезен в Таджикистан, где в настоящее время он подвергается риску экстрадиции или репатриации в Узбекистан.

153. В связи с этим Суд вновь указывает на то, что прежде чем передавать лицо, которое ходатайствует о предоставлении политического убежища, стране-посреднику, государство должно удостовериться, что процедура предоставления убежища и процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции, действующие в стране-посреднике, предоставляют достаточные гарантии того, что лицо, которое просит о предоставлении убежища, не будет репатрировано, напрямую или через посредников, в страну своего происхождения без

какой-либо оценки рисков, которым оно подвергается с точки зрения статьи 3 Конвенции (см. прецедентную практику, изложенную в пункте 138).

154. Суд считает важным тот факт, что Таджикистан не является участником Конвенции, и, следовательно, передача заявителя данной стране означает его выведение из-под защиты Конвенции. Фактически при рассмотрении дела заявителя таджикские власти не связаны обязательством соблюдать правила Конвенции и уточнять, противоречит ли передача заявителя Узбекистану статье 3. В то же время у заявителя не будет возможности подать в Суд ходатайство о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Суда. В данных обстоятельствах властям Российской Федерации следовало бы с особым вниманием ознакомиться с законодательством и процессуальным правом Таджикистана с целью оценки рисков жестокого обращения, которому может подвергнуться лицо, ходатайствующее о предоставлении политического убежища.

155. Однако, нет никаких свидетельств того, что, прежде чем передать заявителя Таджикистану власти Российской Федерации произвели оценку того, существуют ли там какие-либо правовые гарантии, препятствующие выдворения лиц, подвергающихся риску жестокого обращения, а также того, как таджикские власти применяют эти гарантии на практике. Также они не уточнили, будет ли заявитель после прибытия в Таджикистан уведомлен на понятном ему языке о процедуре предоставления политического убежища и других последующих процедурах, сможет ли он обратиться в компетентные государственные органы власти, чтобы выразить свои опасения подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане, приостановит ли автоматически его ходатайство производство по делу об экстрадиции и будет ли проведено независимое и тщательное расследование по существу его опасений (см. *mutatis mutandis*, вышеуказанное дело M.S.S., §§ 293 и 301; о ситуации в области прав человека в Таджикистане см. дело упомянутое выше дело Искандарова, § 129; и дело «Гафоров против России» (*Gaforov v. Russia*), жалоба № 25404/09, §§ 130 и 131, от 21 октября 2010 г.).

156. Суд особо поражен тем, что заявитель был перевезен в Таджикистан тайно и без каких либо правовых оснований, гарантирующих, что заявитель не будет передан Узбекистану без проведения оценки рисков ненадлежащего обращения с ним в данной стране. В связи с этим Суд отмечает, что любая внесудебная передача или выдача ввиду умышленного уклонения от соблюдения правовых норм, является неопровержимым фактом отрицания верховенства права и ценностей, находящихся под защитой Конвенции. Тем самым, данные действия признаются нарушением основных прав, гарантированных Конвенцией (см. дело «Бабар Ахмад и другие против

Соединенного Королевства» (*Babar Ahmad and Others v. the United Kingdom*) (реш.), жалобы № 24027/07, 11949/08 и 36742/08, § 114, от 6 июля 2010 г.; дело «Абдолхани и Каримниа против Турции» (*Abdolkhani and Karimnia v. Turkey*), жалоба № 30471/08, § 89, от 22 сентября 2009 г.).

157. Принимая во внимание вышеизложенные заключения, Суд считает, что передача заявителя Таджикистану, где он подвергается риску быть перевезенным в Узбекистан, привела к нарушению статьи 3 Конвенции.

2. Статья 13

158. На основании вышеизложенного, Суд не считает необходимым отдельно рассматривать жалобу заявителя по статье 13 Конвенции, так как данная статья содержит главным образом те же доводы, что и уже рассмотренные Судом по статье 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

159. Заявитель жаловался на незаконное содержание под стражей. В частности, он утверждал, что с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. он содержался под стражей в отсутствие какого-либо судебного решения, санкционирующего заключение под стражу. Заявитель ссылаясь на пункт 1 статьи 5, которая в соответствующих частях определяет следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом::

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица, ... против которого предпринимаются меры по его ...выдаче»

А. Приемлемость

160. Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35. Суд также отмечает, что не видит оснований считать ее недопустимой. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо дела

1. Заявления сторон

161. Власти Российской Федерации заявили, что положения национального законодательства, регламентирующие содержание под стражей в ожидании выдачи, являются в достаточной степени ясными. Конституционный суд Российской Федерации в своем определении от 1 марта 2007 г. (см. выше пункты 88 и 89), которое было официально опубликовано и, следовательно, общедоступно, установил, что статья 466 УПК не может применяться произвольно. Суд, в частности, постановил, что такая мера, как заключение под стражу, предусмотренная данной статьей, может применяться только в соответствии с определенной процедурой и в сроки, установленные в главе 13 УПК.

162. Власти Российской Федерации также утверждали, что с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. заявитель находился под стражей на основании постановления о задержании, выданного судом Узбекистана в соответствии со статьей 61 Минской конвенции. Срок содержания под стражей не является чрезмерным, а процедура рассмотрения вопроса о выдаче была проведена с должной тщательностью.

163. Заявитель утверждал, что его дело было аналогично делу «Джураев против России» (*Dzhurayev v. Russia*) (жалоба № 38124/07, от 17 декабря 2009 г.), в котором при похожих обстоятельствах было выявлено нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5. В частности, основанием для его содержания под стражей в период с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. было постановление о заключении под стражу, выданное судом Узбекистана, что подтверждают сами власти. Однако, в статье 108 УПК, на которую ссылались обвинения, говорится, что только решение российского суда может служить основанием для заключения под стражу. Следовательно, заключение заявителя под стражу на основании постановления иностранного суда было незаконным. Таким образом, продление срока содержания его под стражей также являлось незаконным.

164. Кроме того, заявитель утверждал, что длительность его содержания под стражей была чрезмерной, и что процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции не была проведена с должной тщательностью. В частности, несмотря на то, что процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции была завершена 14 марта 2011 г., он был освобожден из-под стражи только 9 июня 2011 г., по истечении предельного срока содержания под стражей, допустимого в соответствии с российским законодательством.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

165. Суд отмечает, что общим основанием для сторон является факт задержания заявителя с целью его экстрадиции из России в Узбекистан. Таким образом, в рассматриваемом деле применяется статья подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Данное положение не требует того, чтобы задержание лица, против которого предпринимаются меры по его экстрадиции, считалось объективно необходимым, например, во избежание совершения преступления им или сокрытия от правосудия. В связи с этим, статья подпункт «f» пункта 1 статьи 5 обеспечивает иной уровень защиты, чем подпункт «c» пункта 1 статьи 5: все, что требуется в соответствии с подпунктом «f» - это «меры по депортации или выдаче». Поэтому, с точки зрения целей статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5 не существенно, оправдано ли национальным правом или Конвенцией основное решение (см. «Чонка против Бельгии» (*Çonka v. Belgium*), № 51564/99, § 38, ECHR 2002-I, и упомянутое выше дело Чахала, § 112).

166. Суд, однако, напоминает, что ему предстоит рассмотреть вопрос «законности» содержания заявителя под стражей в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5, уделяя особое внимание мерам безопасности, предусмотренным национальной системой. В случае возникновения спора о «законности» содержания под стражей, включая вопрос о соблюдении «процедуры, предусмотренной законом», Конвенция, главным образом, ссылается на национальное законодательство и определяет обязательство подчинения материальным и процессуальным нормам национального законодательства, но, помимо этого, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало предмету статьи 5, предоставляющей лицам защиту от произвола (см. дело «Амуур против Франции» (*Amuur v. France*), от 25 июня 1996 г., § 50, Отчеты ECHR 1996-III).

167. Таким образом, Суд должен установить, соответствует ли национальное законодательство требованиям Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней. Относительно последнего указанного пункта, Суд подчеркивает, что, если речь идет о лишении свободы, особую важность имеет соответствие общему принципу правовой определенности. Устанавливая, что любое лишение свободы должно быть осуществлено «в порядке, установленном законом», пункт 1 статьи 5 не просто ссылается на национальное законодательство; такие выражения, как «в соответствии с законодательством» и «предусмотренный законодательством» во вторых пунктах статей 8, 9 и 10, относятся к «качеству закона», где прослеживается требование о порядке лишения свободы в соответствии нормам права. Данное

положение является обязательным принципом всех статей Конвенции. Под «качеством закона» в этом смысле понимается то, что при лишении свободы согласно национальному законодательству, последнее должно быть достаточно доступным, точным и предвидимым в отношении его применения во избежание всех рисков произвола (см. дело «Насруллоев против России» (*Nasrulloev v. Russia*), от 11 октября 2007 г., жалоба № 656/06, § 71, с дальнейшими ссылками).

168. В заключение, Суд напоминает, что лишение свободы в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 приемлемо только в рамках процесса рассмотрения вопроса об экстрадиции. Если подобный судебный процесс не проводится с должной тщательностью, то содержание под стражей становится недопустимым в соответствии со статьей подпунктом «f» пункта 1 статьи 5. Другими словами, срок содержания под стражей для этих целей не может превышать необходимого срока (см. упомянутое выше дело Саади, , §§ 72-74).

(b) Применительно к данному делу

(i) Законность содержания заявителя под стражей в период с 9 декабря 2009 г. до 8 февраля 2010 г.

169. Предметом спора сторон является вопрос о том, могли ли решения прокурора о заключении под стражу, основанные на постановлении суда Республики Узбекистан об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу, служить правовой основой для содержания заявителя под стражей в период с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. (см. пункты 24-26).

170. Власти Российской Федерации ссылаются на статью 466 УПК, наделяющую прокурора полномочиями в случае получения запроса об экстрадиции, при представлении решения суда иностранного государства об избрании в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу, производить задержание лиц, в отношении которых поступил запрос о выдаче «без получения от суда Российской Федерации подтверждения действительности такого решения» (см. пункт 86). Суд отмечает, что постановление прокурора о заключении под стражу от 10 декабря 2009 г. не отсылает к статье 466 УПК, вероятно по причине того, что статья, как следует из её формулировки, применяется с момента получения запроса об экстрадиции. В деле заявителя запрос об экстрадиции не был получен до 30 декабря 2009 г. По этой причине Суд должен проверить, на каком правовом основании заявитель был задержан на срок с 9 по 30 декабря 2009 г.

171. В своем постановлении о заключении под стражу от 10 декабря 2009 г. прокурор ссылался на статью 61 Минской конвенции и статью 108 УПК. Суд подчеркивает, что статья 61 Минской конвенции не устанавливает процессуальные нормы, подлежащие соблюдению в

случае заключения лица под стражу до момента получения запроса об экстрадиции. Безусловно, Минская конвенция отсылает к национальному законодательству при условии, что запрашиваемая сторона обязуется применять свои национальные правовые нормы в случае исполнения запроса о правовой помощи, включая ходатайство о заключении под стражу до момента получения запроса об экстрадиции, как указано в статье 61 (см. пункт 61). Из этого следует, что статья 61 Минской конвенции может служить правовой основой для задержания только в совокупности с соответствующими национальными правовыми нормами, устанавливающими основания и процедуру вынесения постановлений о задержании, а также применимые сроки (см. пункт 88, решение Конституционного Суда).

172. Суд отмечает, что российское законодательство не содержит конкретных правовых норм, регулирующих порядок вынесения постановлений о заключении под стражу до момента получения запроса об экстрадиции. В деле заявителя статья 61 Минской конвенции рассматривалась прокурором в совокупности со статьей 108 УПК, регулирующей содержание под стражей на время уголовного производства (см. пункт 84). Но Суд уже постановил, что статья 108 УПК не может служить правовой основой для решения прокурора о заключении лица под стражу в связи с вынесением иностранным судом постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (см. дело «Джураев против России» (*Dzhurayev v. Russia*), № 38124/07, §§ 73 и 74, от 17 декабря 2009 г., а также дело «Эльмуратов против России» (*Elmuratov v. Russia*), № 66317/09, §§ 108 и 109, от 3 марта 2011 г.). Нет никакой другой национальной правовой нормы, наделяющей прокурора полномочиями заключать заявителя под стражу до момента получения запроса об экстрадиции, как российскими органами национального судопроизводства, так и властями Российской Федерации.

173. Из этого следует, что в период с 9 по 30 декабря 2009 год заявитель находился в правовом вакууме, который не был урегулирован какими-либо национальными правовыми нормами, четко устанавливающими основания и порядок его задержания, а также сроки, применимые к его задержанию до момента получения запроса об экстрадиции.

174. Более того, после получения запроса об экстрадиции 30 декабря 2009 г. содержание заявителя под стражей стало предметом регулирования части 2 статьи 466 УПК. Суд принимает к сведению, что данная статья подлежит обязательному соблюдению в случае вынесения постановления о заключении лица под стражу или продлении содержания лица под арестом, чья экстрадиция затребована. Данная статья не устанавливает сроки содержания под стражей с целью экстрадиции.

175. Суд принимает к сведению доводы российских властей касательно того факта, что часть 2 статьи 466 УПК должна толковаться в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 г., в котором Конституционный Суд отмечает, что мера пресечения в виде заключения под стражу до момента экстрадиции должна применяться в порядке и на срок, установленный в Главе 13 УПК. Суд, между тем, принимает к сведению, что данное определение, связанное с частью 1 статьи 466 УПК, регулирующей ситуации, в которых запрос об экстрадиции не сопровождается постановлением суда иностранного государства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Определение не содержит каких-либо выводов в отношении процедур, подлежащих соблюдению в ситуациях, описанных в части 2 статьи 466 УПК, при которых постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, выданное судом иностранного государства, прилагается к запросу об экстрадиции, как и в деле заявителя (см. пункт 89). Другое решение Конституционного Суда, а именно, определение от 19 марта 2009 г., представляется более значимым, в частности, в отношении статьи части 2 статьи 466 УПК. В данном определении Конституционный Суд постановил, что часть 2 статьи 466 не нарушает конституционных прав лица, поскольку в ней не установлены основания или порядок вынесения решения о заключении под стражу до момента экстрадиции или сроков подобного содержания под стражей. Конституционный Суд не дает разъяснений, какие правовые нормы, регулирующие применимую процедуру и сроки, должны применяться в случаях, подпадающих под действие части 2 статьи 466 УПК (см. пункт 90).

176. Таким образом, Суд заявляет об отсутствии четких национальных норм, устанавливающих, при каких условиях, в какой срок, а также прокурором какого иерархического уровня и территориальной принадлежности должен рассматриваться вопрос о содержании под стражей после получения запроса об экстрадиции.

177. Двусмысленность части 2 статьи 466 УПК хорошо просматривается на основе обстоятельств настоящего дела. Действительно, несмотря на получение запроса об экстрадиции 30 декабря 2009 г., прокурор потребовал заключить заявителя под стражу на основании части 2 статьи 466 УПК только 18 января 2010 г., то есть спустя 18 дней. За весь этот период времени заявитель не был уведомлен об основаниях своего задержания и сроке содержания под стражей.

178. Более того, необходимо подчеркнуть, что в постановлении о заключении под стражу от 18 января 2010 г. нет ссылок на национальные правовые нормы, будь то положение из Главы 13 УПК или иное, подтверждающее компетенцию соответствующего

прокурора (Московско-Рязанская транспортная прокуратура) выносить постановление о заключении заявителя под стражу. В постановлении не определен срок содержания заявителя под стражей и отсутствуют ссылки на национальные правовые нормы, устанавливающие данный срок.

179. Из этого следует, что содержание заявителя под стражей в период с 30 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. основано на правовой норме, а именно на части 2 статьи 466 УПК, которая вследствие отсутствия четких процессуальных норм не была точной и предсказуемой в своем применении.

180. Суд принимает к сведению недавнее постановление Верховного Суда Российской Федерации, содержащее официальное толкование российских правовых норм, подлежащих применению при заключении лица под стражу до момента экстрадиции, включая содержание под стражей до момента получения и непосредственно после получения запроса об экстрадиции (см. пункт 93). Однако Суд отмечает, что постановление принято 14 июня 2012 г., то есть по прошествии продолжительного периода времени после освобождения заявителя. Поэтому неизменным остается вывод о том, что в момент заключения под стражу заявителя правовые нормы Российской Федерации, регулирующие содержание под стражей до момента получения запроса об экстрадиции, а также возможное продление срока содержания под стражей после получения подобного ходатайства являлись неточными или непредсказуемыми в своем применении. В любом случае, из постановления следует, что заключение заявителя под стражу должно было быть произведено и продлено по решению суда Российской Федерации, а не прокурором.

181. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд заключает, что в период с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. заявитель содержался под стражей при отсутствии определенных правовых оснований или четких правил, регулирующих подобную ситуацию. Данный факт несовместим с принципами правовой определенности и защиты от произвола, вытекающими из Конвенции и правовых норм (см. *mutatis mutandis*, дело «Юдаев против России» (*Yudayev v. Russia*), № 40258/03, § 59, от 15 января 2009 г., и дело «Барановски против Польши», (*Baranowski v. Poland*) № 28358/95, § 56, ECHR 2000-III). Заключение под стражу, назначенное заявителю на тот период, не было обеспечено надлежащими мерами защиты от произвола. Российское законодательство в период оспариваемых событий не соответствовало принципу «качества закона», установленному Конвенцией. Национальная система, неспособная защитить заявителя от произвольного задержания, а также его содержания под стражей не может считаться «законной» в соответствии с целями подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(ii) Законность содержания заявителя под стражей в период с 8 февраля 2010 г. по 9 июня 2011 г.

182. В отличие от некоторых предыдущих дел в отношении Российской Федерации (см. среди всех упомянутое выше дело Джураева, § 68), срок содержания заявителя под стражей в период с 8 февраля 2010 г. по 9 июня 2011 г. был продлен судом Российской Федерации. В постановлениях о продлении был указан срок содержания под стражей, установленный в соответствии с требованиями статьи 109 УПК, подлежащей применению в случаях заключения под стражу в ходе дел об экстрадиции после вынесения постановления Верховного Суда Российской Федерации от 2009 г. (см. пункт 92).

183. В национальных судах и в Европейском Суде заявитель не выдвинул серьезных доводов, которые бы заставили Суд признать его содержание под стражей противоречащим законным требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. В первую очередь, органы государственной власти, особенно суды, обязаны толковать национальное законодательство, включая нормы процессуального характера. Суд не нашел доказательств того, что национальные суды действовали недобросовестно, не соблюдали соответствующих законов надлежащим образом или что задержание заявителя на соответствующий срок было незаконным или произвольным.

(iii) Срок содержания заявителя под стражей в ожидании экстрадиции

184. Суду предстоит установить, соответствовал ли срок содержания заявителя под стражей требованиям статьи подпункта «f» пункта 1 статьи 5, а именно положению о том, что процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции должна проводиться с должной тщательностью.

185. Оспариваемый период составляет восемнадцать месяцев. Он начался 9 декабря 2009 г., когда заявителя заключили под стражу для последующей экстрадиции, и закончился 9 июня 2011 г., когда заявитель был освобожден. По причинам, изложенным ниже, Суд не считает данный период чрезмерным.

186. Суд отмечает, что в период с 9 декабря 2009 г., когда заявитель был задержан, и по 14 мая 2010 г., когда было вынесено решение об экстрадиции, процедура экстрадиции находилась в производстве. В этот же период Генеральная прокуратура Российской Федерации получила от узбекских коллег запрос об экстрадиции и дипломатические гарантии, Федеральная миграционная служба подтвердила, что заявитель не являлся гражданином Российской Федерации, а Министерство иностранных дел и Федеральная служба безопасности подтвердили отсутствие препятствий для экстрадиции

заявителя в Узбекистан. Суд также отмечает, что в период с 14 мая 2010 г. по 14 марта 2011 г. решение об экстрадиции было рассмотрено судами двух уровней юрисдикции. Свидетельства того, что процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции была каким-либо образом затянута, отсутствуют.

187. В это же время, с 22 декабря 2009 г. по 24 декабря 2010 г. Федеральной миграционной службой, а затем и судами двух уровней юрисдикции было рассмотрено ходатайство заявителя о признании его беженцем. Так как исход данного разбирательства мог иметь решающее значение при рассмотрении вопроса об экстрадиции заявителя, Суд принимает во внимание ход данных разбирательств, чтобы определить, «предпринимались ли какие-либо меры для экстрадиции» (см. вышеупомянутое дело Чахала, § 115). Заявитель не утверждал, что данные разбирательства были проведены без должной тщательности.

188. В заключение, относительно содержания под стражей с 14 марта по 9 июня 2011 г., Суд отмечает, что 14 марта 2011 г. законность решения об экстрадиции была подтверждена судом кассационной инстанции. И хотя тем самым внутригосударственная процедура рассмотрения вопроса об экстрадиции была завершена, заявитель оставался под стражей еще два месяца и двадцать шесть дней. В течение этого периода в связи с указанием Суда о принятии обеспечительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, власти Российской Федерации не осуществляли экстрадицию. Соответственно, возникает вопрос, продолжалось ли рассмотрение вопроса о выдаче в период с 14 марта по 9 июня 2011 г., в частности для того, чтобы оправдать содержание заявителя под стражей для последующей экстрадиции.

189. Согласно прочно установившейся прецедентной практике Суда данный период содержания заявителя под стражей следует отличать от предыдущего периода (см. вышеупомянутое дело Чахала, § 114; дело «Аль-Ханчи против Боснии и Герцеговины» (*Al Hanchi v. Bosnia and Herzegovina*), № 48205/09, §§ 49-51, от 15 ноября 2011 г.; «Аль-Хусин против Боснии и Герцеговины» (*Al Husin v. Bosnia and Herzegovina*), № 3727/08, §§ 67-69, от 7 февраля 2012 г.). В результате применения обеспечительной меры государство-ответчик не могло передать заявителя Узбекистану, не нарушив при этом своих обязательств по статье 34 Конвенции. В течение этого периода времени рассмотрение вопроса об экстрадиции, временно приостановленное в соответствии с требованием Суда, с точки зрения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 все же имело место (аналогичные обоснования см. в деле «Гебремедхин [Габерамадхиен] против Франции» (*Gebremedhin [Gaberamadhien] v. France*), № 25389/05, §§ 73 и 74, ECHR 2007-V; упомянутые выше дела Аль-Ханчи, § 51, и Аль-Хусина, § 69). Ранее Суд постановил, что сам

факт того, что процедуру рассмотрения вопроса о выдворении или экстрадиции какого-либо лица приостанавливают вследствие применения обеспечительной меры, не означает, что содержание данного лица под стражей является незаконным, при условии, что власти продолжают рассматривать возможность его выдворения на более поздней стадии, а также при условии, что для продления срока содержания его под стражей имеются соответствующие основания (см. «Кешмири против Турции» (*Keshmiri v. Turkey*) (№ 2), № 22426/10, § 34, от 17 января 2012 г., и «S.P. против Бельгии» (*S.P. v. Belgium*) (реш.), № 12572/08, от 14 июня 2011 г.).

190. Суд отмечает, что после вступления в силу решения об экстрадиции в отношении заявителя последний содержался под стражей немногим менее трех месяцев. По-видимому, данный период не может считаться продленным безосновательно (по вопросу содержания лиц под стражей до момента экстрадиции на том основании, что они представляют угрозу национальной безопасности, см. упомянутые выше дела Аль-Ханчи и Аль-Хусина, в которых сроки содержания под стражей в результате применения Судом обеспечительной меры, составившие один год и десять месяцев и немного более одиннадцати месяцев соответственно, также соответствовали требованиям подпункта «f» пункта 1 статьи 5; для сравнения, в упомянутом выше деле Кешмири, § 34, после применения обеспечительной меры заявителя содержали под стражей более одного г. и девяти месяцев, и в течение данного периода не было предпринято никаких шагов с тем, чтобы найти альтернативные решения). Существенным также является тот факт, установленный Судом ранее (см. выше пункты 182 и 183), что содержание заявителя под стражей в течение данного периода времени соответствовало порядку и срокам, предусмотренным национальным законодательством, и что по истечении предельного срока содержания под стражей, установленного российским законодательством, заявитель был незамедлительно освобожден (аналогичные обоснования см. в упомянутом выше деле Гебремедхина, §§ 74 и 75).

191. На основании вышеизложенного, Суд пришел к убеждению, что в настоящем деле требование тщательности было выполнено и что общая длительность срока содержания заявителя под стражей не является чрезмерной.

(iv) Выводы

192. Суд вынес решение о том, что содержание заявителя под стражей в период с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. было основано на правовых нормах, которые не соответствуют требованиям Конвенции к «качеству закона». Следовательно, в отношении данного

периода времени имеет место нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

193. В отношении законности содержания заявителя под стражей в период с 8 февраля 2010 г. по 9 июня 2011 г., в отношении продолжительности срока содержания заявителя под стражей с целью экстрадиции, а также в отношении тщательности властей при рассмотрении вопроса об экстрадиции, нарушений подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции выявлено не было.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

194. Заявитель жаловался на то, что его кассационные жалобы на постановления о продлении срока его содержания под стражей от 7 сентября и 8 декабря 2010 г. не были рассмотрены «безотлагательно», а также на отсутствие эффективной процедуры, позволяющей обжаловать его содержание под стражей после 20 января 2011 г. Он ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, которая гласит следующее:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Приемлемость

195. Суд полагает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35. Суд также отмечает, что не видит оснований считать ее недопустимой. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой

Б. Существо дела

1. Безотлагательность рассмотрения

196. Власти признали, что кассационные жалобы заявителя на постановления о продлении срока его содержания под стражей от 7 сентября и 8 декабря 2010 г. не были рассмотрены «безотлагательно».

197. Заявитель настаивал на своем требовании.

198. Суд напоминает о том, что пункт 4 статьи 5 Конвенции провозглашает право на безотлагательное судебное рассмотрение вопроса о законности заключения под стражу и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным (см. упомянутое выше дело Барановски, § 68). Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся Стороны устанавливать второй уровень

юрисдикции для рассмотрения законности содержания под стражей. Однако, в тех случаях, когда национальное право предусматривает возможность обжалования, кассационный орган также должен исполнять требования пункта 4 статьи 5 в том, что касается, например, безотлагательности рассмотрения кассационных жалоб. В то же время принцип безотлагательности требуется в меньшей степени, когда речь идет о разбирательстве в суде кассационной инстанции (см. дело «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), № 4493/04, § 96, от 25 октября 2007 г.).

199. Несмотря на то, что количество дней, которое потребовалось для проведения соответствующего судебного разбирательства, несомненно, является существенным моментом, само по себе оно не обязательно имеет решающее значение при рассмотрении вопроса о том, вынесено ли решение с должной безотлагательностью (см. дело «Мэри против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*) (реш.), № 664/05, от 20 сентября 2007 г.). Во внимание принимается, прежде всего, тщательность властей, задержки по вине заявителя, а также любые факторы, вызывающие задержки в ходе разбирательства, за которые государство не может нести ответственность (см. дело «Яблонски против Польши» (*Jablonski v. Poland*), № 33492/96, §§ 91-94, от 21 декабря 2000 г., и «G.B. против Швейцарии» (*G.B. v. Switzerland*), № 27426/95, §§ 34-39, от 30 ноября 2000 г.). Таким образом, вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное вынесение решений, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела (см. дело «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), № 29462/95, § 84, ECHR 2000-XII).

200. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что кассационная жалоба на постановление о продлении срока содержания под стражей от 7 сентября 2010 г., поданная 9 сентября 2010 г., была рассмотрена через восемьдесят два дня (см. выше пункты 28 и 29). Жалоба на постановление о продлении срока содержания под стражей от 8 декабря 2010 г., поданная 16 декабря 2010 г., была рассмотрена через пятьдесят пять дней (см. выше пункты 30 и 31). Ничто не указывает на то, что задержки в рассмотрении кассационных жалоб, поданных заявителем, произошли по вине самого заявителя.

201. Принимая во внимание тот факт, что власти признают факт нарушения, Суд считает, что эти два периода времени не отвечают требованию «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5.

202. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

2. Предполагаемая невозможность добиться пересмотра вопроса о законности содержания под стражей

(а) Заявления сторон

203. Власти заявили, что в соответствии со статьями 108, 109 и 110 УПК заявитель мог подать ходатайство об освобождении.

204. Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было процедур, в соответствии с которыми суд мог бы рассмотреть дело о законности его содержания под стражей после 20 января 2010 г. и вынести решение о его освобождении. Как уже было установлено Судом, ни статья 108, ни статья 109 УПК не предоставляли заключенному права на инициирование судебного разбирательства с целью рассмотрения законности его содержания под стражей. Следовательно, они не обеспечивают его права на предъявление иска, который может быть рассмотрен судом с целью установить законность содержания под стражей (см. упомянутое выше дело Насруллаева, § 88). То же самое справедливо в отношении статьи 110 УПК, в тексте которой также не содержится указаний на то, что существует возможность инициирования производства по пересмотру по инициативе заключенного. Кроме того, статья 110 не имеет отношения к ситуации заявителя, так как она предусматривает изменение меры пресечения в случае возникновения иных оснований для содержания лица под стражей, что не имело места в отношении заявителя.

205. В заключение заявитель утверждает, что он предпринял попытку добиться судебного пересмотра законности его содержания под стражей на судебном заседании 14 марта 2011 г. во время рассмотрения его жалобы на постановление об экстрадиции. Однако суд не принял к рассмотрению его показания.

(б) Оценка Суда

(i) Общие принципы

206. Суд напоминает о том, что пункт 4 статьи 5 гарантирует задержанному или заключенному под стражу право на судебный контроль за законностью тех мер, которые применяются по отношению к нему (см., *mutatis mutandis*, дело «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*), от 18 июня 1971 г., § 76, Series A № 12). Лицу, находящемуся в заключении, должны быть доступны любые средства правовой защиты, которые могут гарантировать данному лицу безотлагательный судебный пересмотр вопроса о законности его содержания под стражей и, в соответствующих случаях, его или ее освобождение. Понятие «законность», согласно пункту 4 статьи 5, имеет такое же значение, как и в пункте 1, с тем, чтобы лицо, находящееся под стражей, имело

право на пересмотр «законности» его содержания под стражей с учетом не только требований национального законодательства, но и положений Конвенции, изложенных в ней общих принципов и цели ограничений, установленных в пункте 1 статьи 5 (см. дело «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. the United Kingdom*) (GC), № 3455/05, § 202, от 19 февраля 2009 г., с последующими ссылками).

207. Существование данного средства правовой защиты, предусмотренного пунктом 4 статьи 5, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике. Если на практике это средство правовой защиты не является достаточно определенным, то оно также перестает быть эффективным и доступным применительно к целям данного положения (см., *mutatis mutandis*, дело «Стоичков против Болгарии» (*Stoichkov v. Bulgaria*), № 9808/02, § 66 *in fine*, от 24 марта 2005 г., и «Вачев против Болгарии» (*Vachev v. Bulgaria*), № 42987/98, § 71, ECHR 2004-VIII (выдержки)).

208. Если по завершении судебного разбирательства судом принимается решение о лишении какого-либо лица свободы, то это решение включает в себя возможность его пересмотра в порядке надзора, предусмотренную пунктом 4 статьи 5. Это происходит, например, когда оглашают приговор о лишении свободы на основании «признания виновным компетентным судом» согласно подпункту «а» пункта 1 статьи 5 Конвенции; или в случае, когда задержание лица без определенного места жительства, предусмотренное в подпункте «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, назначено «судом» в значении пункта 4 (см. упомянутое выше дело Де Вильде, Оомса и Версипа, § 76). Однако, как указано в последующих постановлениях, данное правило применимо только к первоначальному решению о лишении какого-либо лица свободы; оно не касается последующего периода содержания под стражей, в ходе которого могут появиться новые факты, ставящие под сомнение законность его содержания под стражей (см. «Викс против Соединенного Королевства» (*Weeks v. the United Kingdom*), от 2 марта 1987 г., § 56, Series A № 114). Отсюда следует, что на основании пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать лишение его свободы «законным» в свете новых фактов, возникших уже после вынесения первоначального постановления о заключении под стражу (см. упомянутое выше дело Исмоилова и других, § 146).

209. Формы судебного надзора, соответствующие требованиям пункта 4 статьи 5, могут различаться в зависимости от сферы процессуального законодательства, а также в зависимости от вида лишения свободы. Суд не ставит перед собой задачу выяснить, какая система в сфере, подлежащей рассмотрению, является наиболее

уместной. Не исключено, что система автоматического периодического пересмотра законности решения суда о заключении под стражу может обеспечить соответствие требованиям пункта 4 статьи 5 (см. «Медьери против Германии» (*Megyeri v. Germany*), от 12 мая 1992 г., § 22, Series A № 237-A, и «Райнпрехт против Австрии» (*Reinprecht v. Austria*), № 67175/01, § 33, ECHR 2005 XII). Однако, в случае введения процедуры автоматического пересмотра законности заключения под стражу, решения, касающиеся законности содержания под стражей, следует выносить через «разумные интервалы времени» (см., среди прочих, «Херцегфалви против Австрии» (*Herczegfalvy v. Austria*), от 24 сентября 1992 г., §§ 75 и 77, Series A № 244, и «Блэксток против Соединенного Королевства» (*Blackstock v. the United Kingdom*), № 59512/00, § 42, jп 21 июня 2005 г.). Принцип, лежащий в основе требований безотлагательности и периодического судебного пересмотра через разумные интервалы времени в значении пункта 4 статьи 5 и в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда, заключается в том, что задержанный не должен подвергаться риску длительное время оставаться под стражей после того, как была доказана незаконность лишения его свободы (см. «Шишков против Болгарии» (*Shishkov v. Bulgaria*), № 38822/97, § 88, ECHR 2003 I (выдержки), с последующими ссылками).

(ii) Применение к данному делу

210. Суд отмечает, что первоначальный срок содержания заявителя под стражей, установленный в постановлении прокурора, впоследствии был продлен национальными судами на периоды, составляющие от трех до шести месяцев. Таким образом, разбирательства, в ходе которых срок содержания заявителя под стражей продлевался, приняли форму периодического судебного пересмотра. Важно отметить, что в период между слушаниями о продлении срока содержания под стражей заявитель был лишен возможности подать ходатайство о судебном пересмотре законности содержания его под стражей. В действительности, Суд уже установил, что статьи 108, 109 и 110 УПК, на которые ссылаются власти, не предоставляют заключенному права на инициирование судебного разбирательства с целью рассмотрения судом законности его содержания под стражей (см. упомянутое выше дело Насруллаева, § 88; упомянутое выше дело Исмоилова и других, § 151 и упомянутое выше дело Эльмуратова, § 115). Однако этот факт сам по себе не противоречит пункту 4 статьи 5 Конвенции, при условии, что периодические судебные проверки законности содержания под стражей проводятся через «разумные интервалы времени» (см. прецедентную практику, приводимую выше в пункте 209).

211. Суд отмечает, что в период до декабря 2010 г. судебные проверки законности содержания заявителя под стражей проводились каждые три или четыре месяца. Заявитель не подавал жалобу на то, что интервалы между проверками в течение этого периода были неоправданно длинными. Суть его жалобы состояла в том, что между 8 декабря 2010 г., когда срок его содержания под стражей был продлен на шесть месяцев, и 9 июня 2011 г., когда прокурор вынес постановление о его освобождении, законность содержания его под стражей не проверялась. Остается установить, соответствовал ли период продолжительностью шесть месяцев, в течение которого суд не пересматривал вопрос о законности содержания заявителя под стражей, требованиям пункта 4 статьи 5.

212. Суд отмечает, что требования пункта 4 статьи 5, в отношении которого может быть применен «разумный» интервал в контексте периодического судебного пересмотра, меняется от одного к другому в зависимости от вида лишения свободы. Таким образом, в отношении содержания под стражей после вынесения приговора в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 статьи 5 Суд признает «разумными» интервалы менее года между проверками законности содержания заключенных пожизненно и признает неприемлимыми периоды более одного года (см. дело «Олдам против Соединенного Королевства» (*Oldham v. the United Kingdom*), № 36273/97, § 31, ECHR 2000-X; «Херст против Соединенного Королевства» (*Hirst v. the United Kingdom*), № 40787/98, § 39, от 24 июля 2001 г.; и упомянутое выше дело Блэкстока, § 44). Одновременно в отношении заключения под стражу душевнобольных, в соответствии с подпунктом «е» пункта 1 статьи 5, по завершению уголовного производства, в процессе которого все обвинения были доказаны, но они не могут быть привлечены к уголовной ответственности за свои действия по причине психического заболевания, интервалы между проверками меньше года обычно были приемлемы, в то время как более длинные интервалы не признавались «разумными» для целей пункта 4 статьи 5 (см. упомянутое выше дело Херцегфалви, § 77; дело «Силва Роча против Португалии» (*Silva Rocha v. Portugal*), от 15 ноября 1996 г., § 31, Отчеты 1996-V; «Магалес Перейра против Португалии» (*Magalhães Pereira v. Portugal*), № 44872/98, §§ 45-51, ECHR 2002-I; и ср. дело Магалес Перейра против Португалии» (*Magalhães Pereira v. Portugal*) (№ 2), № 15996/02, §§ 27-33, от 20 декабря 2005 г.).

213. В отношении предварительного заключения под стражу Суд в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 наоборот постановил, что принцип предварительного заключения под стражу требует меньших интервалов, потому что в Конвенции имеется предположение, что длительность такого рода содержания под стражей должна быть строго ограничена (см. дело «Безичери против

Италии» (*Bezicheri v. Italy*), от 25 октября 1989 г., § 21, Seires A № 164, и «Ассенов и другие против Болгарии» (*Assenov and Others v. Bulgaria*), от 28 октября 1998 г., § 162, Отчеты 1998-VIII). Таким образом, Суд установил, что австрийская система автоматической периодической проверки законности содержания под стражей, предоставляющая максимальный интервал между пересмотрами в два месяца, соответствует требованиям пункта 4 статьи 5 (см. упомянутое выше дело Райнпрехта, §§ 24 и 33). В другом деле период в три месяца и восемь дней, в течение которых заявитель не мог добиться проверки законности своего содержания под стражей, был признан «неразумным» (см. дело «Юрьевс против Латвии» (*Jurjevs v. Latvia*), № 70923/01, §§ 61-63, от 15 июня 2006 г.).

214. Возвращаясь к вопросу содержания под стражей для последующей депортации или экстрадиции в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5, Суд отмечает, что факторы, влияющие на законность содержания под стражей для последующей депортации или экстрадиции, такие как, например, факторы, относящиеся к ходу процесса экстрадиции или депортации и усилия властей в проведении этой процедуры, могут со временем меняться (см. «Рахмани и Динева против Болгарии» (*Rahmani and Dineva v. Bulgaria*), № 20116/08, § 78, от 10 мая 2012 г.). Поэтому учитывается, что короткие интервалы между пересмотрами необходимы для содержания под стражей для последующей депортации или экстрадиции, в сравнении с заключением после вынесения приговора судом надлежащей юрисдикции или задержанием душевнобольных лиц. На самом деле, факторы, влияющие на законность содержания под стражей, вероятнее всего будут развиваться быстрее в ситуациях, где процессы затянуты (как в случаях содержания под стражей для последующей экстрадиции), чем в ситуациях, где процессы были закрыты после установления всех относящихся к делу обстоятельств (как в случаях оглашения судом надлежащей инстанции обвинительного приговора или назначения судом принудительного психиатрического лечения на основе медицинских отчетов, подтверждающих опасность человека для общества). В то же время, при ограниченном обзоре случаев проверки законности содержания под стражей согласно требованиям пункта 4 статьи 54 в делах об экстрадиции, которые не распространяются, например, на вопросы, было ли задержание «необходимым» для предотвращения преступления или побега, пересмотр не должен быть таким же частым, как в случаях лишения свободы в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 (см. дело «Тэйлор против Эстонии» (*Taylor v. Estonia*) (реш.), № 37038/09, §§ 53 и 55, от 26 июня 2012 г.). Таким образом, в двух последних делах против России Суд установил, что интервалы между периодическими проверками законности содержания

под стражей, длительностью от двух до четырех месяцев, соответствовали требованиям пункта 4 статьи 5 (см. дело «Солиев против России» (*Soliyev v. Russia*), № 62400/10, §§ 57-62, от 5 июня 2012 г., и дело «Ходжамбердиев против России» (*Khodzhamberdiyev v. Russia*), № 64809/10, §§ 108-114, от 5 июня 2012 г.).

215. В то же время, Суд признает, что в его задачи не входит регулирование предельного периода времени между пересмотрами, которые должны автоматически применяться к определенной категории задержанных. Вопрос соответствия периодов установленным требованиям, должен - как и в случае с разумным сроком, предусмотренным пунктом 3 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 - определяться в свете обстоятельств каждого дела (см. дело «Санчес-Райсе против Швейцарии» (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*), от 21 октября 1986 г., § 55, Series A № 107, и упомянутое выше дело Олдама, § 31). Суд в частности должен проверить, не были ли новые относящиеся к делу факты, которые возникли в интервалы между периодическими проверками, оценены без «незаконной» задержки судом, имеющим право решать вопрос о «законности» содержания под стражей в свете вновь появившихся фактов (см. упомянутую выше в пункте 208 прецедентную практику).

216. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что 8 декабря 2010 г. городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей на шесть месяцев в связи с продолжающейся процедурой экстрадиции. Через три месяца, 14 марта 2011 г., решение об экстрадиции было оставлено без изменений последней инстанцией, и таким образом национальная часть процедуры экстрадиции была завершена. В связи с тем, что заявитель не мог быть экстрадирован в связи с указанием Суда о применении обеспечительных мер в соответствии со статьей 39 Регламента Суда, любая подготовка принудительной экстрадиции должна была быть приостановлена на неопределенное время. Суд признает, что это явилось новым фактом, который мог повлиять на законность и обоснованность длительного содержания заявителя под стражей. Таким образом, заявитель имел право, в соответствии с пунктом 4 статьи 5 на судебное разбирательство для оценки нового фактора судом без «необоснованной» задержки. Однако только спустя три месяца, 9 июня 2011 г. законность содержания заявителя под стражей была проверена, и он был освобожден. Суд признает, что такая длительная задержка в оценке нового относящегося к делу факта, способного повлиять на вопрос законности содержания под стражей, не была «обоснованной».

217. С учетом изложенного выше, Суд считает, что в деле заявителя эффективность системы автоматической периодической проверки была подорвана тем, что новый относящийся к делу факт, который

появился в период между проверками и мог повлиять на законность содержания под стражей, был оценен Судом с необоснованно длительностью задержкой. В таких обстоятельствах Суд не может не признать, что проверки законности содержания заявителя под стражей не были проведены в «разумные сроки».

218. Следовательно, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

219. Заявитель жаловался на то, что его тайный вывоз в Таджикистан в нарушение обеспечительной меры, предписанной Судом в соответствии с Правилom 39, нарушило его право на индивидуальную жалобу. Он ссылаясь на Статью 34 Конвенции, которая гласит:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

220. Власти оспорили этот аргумент, отрицая любую причастность к вывозу заявителя в Таджикистан. Они также утверждали, что они не в силах вернуть заявителя в Российскую Федерацию. Для направления запроса о его экстрадиции из Таджикистана не было никаких законных оснований, так как он не являлся гражданином Российской Федерации и не совершал никаких преступлений на территории Российской Федерации. Национальным или международным законодательством не предусмотрена процедура, которая бы позволяла российским властям запросить у таджикских властей возвращения заявителя в Россию.

221. Заявитель утверждал, что его похищение и вывоз в Таджикистан в нарушение обеспечительной меры, предписанной Судом в соответствии с Правилom 39, препятствовали эффективному осуществлению его права на индивидуальную жалобу. Опасность экстрадиции из Таджикистана была неизбежна, что подтверждалось постановлением о задержании, выданным таджикским судом, в котором говорилось, что он был задержан для последующей экстрадиции в Узбекистан (см. выше пункт 61). Заявитель утверждал, что даже после его освобождения такая опасность продолжала существовать. Ему не сообщили о причинах его освобождения и впоследствии его предупредили о том, что он объявлен таджикскими органами власти в розыск.

222. Суд напоминает, что в соответствии со статьей 34 Конвенции, Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от любых действий или бездействий, которые могут препятствовать эффективному осуществлению права каждого на индивидуальную жалобу. Неспособность государства-ответчика принять обеспечительные меры будет подрывать эффективность осуществления этого права (см. упомянутое выше дело Маматкулова и Аскарлова, § 102 и § 125).

223. В таких случаях, как этот, когда можно обоснованно утверждать, что существует риск нанесения непоправимого ущерба осуществлению заявителем одного из основных прав, гарантированных Конвенцией, объектом обеспечительных мер является сохранение статуса-кво до вынесения решения Судом относительно обоснованности такой меры. В силу этого, будучи предназначенной для обеспечения сохранности предмета жалобы, обеспечительная мера является основным средством защиты прав, гарантированных Конвенцией (см. упомянутое выше дело Маматкулова и Аскарлова, § 108; см. упомянутое выше дело Шамаева и других, § 473; и дело «Аульми против Франции» (*Aoulmi v. France*), № 50278/99, § 103, ECHR 2006-I (выдержки)).

224. Таким образом, указание о принятии обеспечительных мер Судом позволяет не только провести эффективное рассмотрение жалобы, но и обеспечивает эффективность защиты, предоставленной заявителю Конвенцией; такие указания также позволяют Совету Министров в последующем осуществлять надзор за исполнением постановления Суда. Таким образом, эти меры позволяют государству осуществлять свои обязательства по исполнению постановления Суда, имеющего, в соответствии со статьей 46 Конвенции, обязательную юридическую силу (см. упомянутое выше дело Маматкулова и Аскарлова, § 125; упомянутое выше дело Шамаева, § 473; упомянутое выше дело Аульми, § 108).

225. В силу вышеизложенного, невыполнение Договаривающейся Стороной обеспечительной меры будет считаться препятствием для Суда по эффективному рассмотрению жалобы заявителя, и помехой для эффективного использования его или ее права, и, соответственно, нарушением статьи 34 Конвенции (см. упомянутое выше дело Маматкулова и Аскарлова, § 128).

226. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что 8 марта 2011 г. он указал властям Российской Федерации, в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего уведомления (см. выше пункт 4). Пять месяцев спустя заявитель был вывезен в Таджикистан. Власти Российской Федерации ответственны за эту выдачу, как это установлено выше в пункте 127. Таким образом, Суд

должен определить, выполнила ли Российская Федерация свои обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции относительно принятия обеспечительных мер, указанных Судом.

227. Суд считает, что при определенных обстоятельствах вывоз заявителя против его воли в другую страну, нежели чем страна, в которой он якобы может столкнуться с опасностью жестокого обращения, может рассматриваться как несоблюдение такой обеспечительной меры. В противном случае, Договаривающиеся Стороны могли бы передать заявителя в третью страну, которая не является участником Конвенции, откуда заявитель в дальнейшем мог бы быть выдан в страну его происхождения, в обход обеспечительной меры, указанной Судом, тем самым лишая заявителя возможности эффективно воспользоваться правом на защиту, гарантированным Конвенцией.

228. Заявитель был вывезен в Таджикистан, а не Узбекистан. Однако, имеет место тот факт, что из-за вывоза заявителя в Таджикистан Суд не имел возможности обеспечить эффективную защиту прав, гарантированных Конвенцией, на практике.

229. Действительно, вывоз заявителя в государство, которое не является участником Конвенции, лишает его права на защиту, гарантированную Конвенцией, и нарушает основную цель обеспечительной меры - сохранить статус-кво до рассмотрения судом заявления и обеспечить надлежащее исполнение вступившего в силу постановления.

230. По словам властей Российской Федерации, они не в силах вернуть заявителя обратно в Россию (см. выше пункт 220). Поэтому заявитель должен оставаться под контролем властей Таджикистана, которые не связаны с Конвенцией и не имеют никаких обязательств по исполнению постановлений Суда. При данных обстоятельствах, Суд, принимая во внимание, что заявителю будет угрожать серьезная опасность жестокого обращения в Узбекистане (см. выше пункт 151), не может защитить его от возможной репатриации.

231. В свете вышеизложенного, Суд приходит к выводу, что вывоз заявителя в Таджикистан не позволяет ему обеспечить надлежащую защиту прав заявителя, гарантированных Конвенцией и, следовательно, препятствует надлежащему осуществлению его права на индивидуальную жалобу. Таким образом, путем передачи заявителя в Таджикистан, Россия не исполнила обеспечительную меру, в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда, и нарушила свои обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

232. В заключение, Суд рассмотрел другие жалобы, представленные заявителем, и, принимая во внимание все находящиеся в его распоряжении материалы, а также с учетом того, как эти жалобы относятся к компетенции Суда, вынес решение, что они не содержат каких-либо доказательств нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции или в Протоколах к ней. Отсюда следует, что жалоба в данной части должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

233. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

234. Заявитель требовал 30 000 евро (EUR) компенсации морального вреда.

235. Власти оставили требование без комментариев.

236. Суд указывает на выявление нескольких серьезных нарушений в данном случае. При проведении справедливой оценки, Европейский суд присудил заявителю 30 000 евро компенсации морального вреда, плюс налоги, которые могут быть начислены на эту сумму.

B. Судебные расходы и издержки

237. Ссылаясь на таблицу учета рабочего времени адвоката, заявитель требовал 7 800 евро возмещения понесенных в Суде и в ходе национального разбирательства судебных издержек. Он также требовал 546 евро компенсации почтовых расходов.

238. Власти ссылались на отсутствие доказательств фактической оплаты адвокатского вознаграждения и других расходов.

239. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. Заявитель не представил

никаких документов, подтверждающих почтовые расходы. Таким образом, Суд отклоняет жалобу в этой части.

240. Что касается юридических услуг, принимая во внимание наличие у заявителя документов, а также соблюдение указанных выше условий (см. дело «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), № 55723/00, § 147, ECHR 2005-IV), Суд считает разумным присудить сумму в 7 800 евро, которая будет переведена на банковский счет представителя.

В. Процентная ставка

241. Суд счел, что пеня должна быть основана на предельной процентной ставке Европейского центрального банка за период просрочки, плюс три процента от этой суммы.

VIII. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

242. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, настоящее постановление не вступит в силу до тех пор, пока: (а) стороны не заявят о том, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, или (б) по истечении трех месяцев после даты вынесения постановления не поступит запрос о передаче дела в Большую Палату, или (с) Коллегия Большой Палаты не отклонит запросы о передаче дела в соответствии со статьей 43 Конвенции.

243. Суд отмечает, что заявитель в настоящее время скрывается на территории Таджикистана куда его насильно и при осведомленности и участии российских властей доставили (см. выше пункт 127). Следовательно, российские власти не могут экстрадировать его в Узбекистан. Однако, с учетом того, что заявитель может вернуться в России, а также признания наличия для него опасности подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в Узбекистане (см. выше пункт 151), Суд считает, что указание, данное властям в соответствии с правилом 39 Регламента Суда должно оставаться в силе до момента вступления настоящего постановления в законную силу или получения дальнейших указаний.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Признает* части жалобы относительно опасности для заявителя быть подвергнутым жестокому обращению в Узбекистане, отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты, законности и длительности содержания под стражей в ожидании экстрадиции, а также предполагаемого нарушения судебной проверки законности его содержания под стражей приемлемыми, а оставшиеся части жалобы неприемлемыми;
2. *Постановляет*, что в случае возвращения заявителя в Российскую Федерацию, его экстрадиция в Узбекистан приведет к нарушению статьи 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что было допущено нарушении статьи 3 Конвенции в связи с перемещением заявителя в Таджикистан;
4. *Постановляет*, что в отношении содержания заявителя под стражей в период с 9 декабря 2009 г. по 8 февраля 2010 г. было допущено нарушение подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.
5. *Постановляет*, что в отношении оставшегося срока содержания заявителя под стражей не было установлено нарушения подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции;
6. *Постановляет*, что в отношении длительности производства по кассационным жалобам заявителя на постановления о продлении срока содержания под стражей от 7 сентября и 8 декабря 2010 г. было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
7. *Постановляет*, что в отношении отсутствия у заявителя возможности добиться проверки законности его содержания под стражей в период с 8 декабря 2010 г. по 9 июня 2011 г. допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
8. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать жалобу в соответствии со статьей 13 Конвенции;
9. *Постановляет*, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства в соответствии со статьей 34 Конвенции;
10. *Постановляет*

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы:

(i) EUR 30,000 (тридцать тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма;

(ii) EUR 7,800 (семь тысяч восемьсот евро) в качестве компенсации судебных издержек и расходов, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в валюте государства-ответчика по курсу на день выплаты и путем денежного перевода на банковский счет представителей;

(b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента.

11. *Отказывает в удовлетворении оставшейся части требования заявителя о компенсации;*

12. *Решает* в очередной раз указать властям в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что в случае возвращения заявителя в Россию, он не должен быть экстрадирован в интересах надлежащего исполнения производства и до того, как настоящее постановление вступит в силу или до получения дальнейших указаний.

Составлено на английском языке, уведомление разослано в письменной форме 2 октября 2012 г. в соответствии с пунктом 2 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель